

АЛЕКСЕЙ ДЬЯЧКОВ

ХАНИ, БАМ

ОСТРОВ БОГАЧЕЙ
НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ РАССКАЗЫВАТЬ
УКЛАДКА
МУЗЫКАНТ
РЕШЕНИЕ
КОРЕЙСКИЙ СЛУЧАЙ
УКЛАДКА (bis)
ПОДНИМАЮТСЯ ПО РЕКЕ

ОСТРОВ БОГАЧЕЙ

Я вернулся в магазин. Продавщица возилась с мячиком – пыталась найти такое место на полированной поверхности полки, с которого бы волейбольный мяч не скатывался. Точно ей надоело: она сидит, хлопает глазами, а тут мячик – на пол, и хлоп-хлоп – потом закатывается под прилавок. Потом его еще оттуда доставать.

Отвечая Сереге, рассказывая про то, что диафильмов про Золотую Антилопу и Маугли нет, продавщица стирала пыль с мячика. Мы с Серегой вышли из магазина, а потом я вернулся, и у нее все еще не получалось приспособить мячик намертво.

– Ладно, давай сюда деньги. – Сказал я.

– Не дам, потому что не могу. – Ответил Серега.

– Это как это?

– Я у тебя одалживал на покупку диафильмов, а раз не купил, то и не должен теперь.

Я тогда треснул ему по уху – махнул куда получится, и по уху получилось. Серега расплакался, но рубль держал зажатым в кулаке, а я тогда не знал, как выполнить прием с заламыванием кисти, чтоб кулак сам собой разжался. Осипов показывал, а я видел, да не запомнил. Осипов и про другое много знал – всему сразу не обучишься, но он на два года меня старше.

Я сказал Сереге – дуй мне в хуй, чтоб я улетел. Я от Осипова слышал, как он так говорил. Потом я еще от себя добавил – на остров богачей.

– У вас, правда, нет тех диафильмов?

– Ты ведь сын таких-то? – Продавщица назвала нашу фамилию.

– Нет, я Менделеев.

– Точно, ты их сын. Во всем поселке таких умников никого больше нет.

– А точно нет тех диафильмов?

Продавщица всю дорогу катала по полке мячик. Отставив ногу, как для упора – тянулась рукой. Отвечала, повернувшись на полкорпуса в мою сторону так, что нейлоновая рубашка обтягивала раковистую поверхность кружевного лифчика – смотреть не хотелось. Будто трудно сообразить, насколько выгодней гладкие поверхности. Зачем вообще тогда носить нейлон – шила бы себе кофты из кримплена тогда.

Я знал, как зовут другую продавщицу, по фамилии Шабельник, а товароведом работала мать Олега Граблюка, а эту как зовут, я не знал. Я вообще не слишком старался знакомиться. То есть, не только с продавцами или, как Осипов, с водовозами и экскаваторщиками, чтоб брали кататься. Тех, что кто-то называл, узнавал и я, а с другими просто разговаривал.

Продавщица сказала, что нет диафильмов, а сама увидела, как я разглядываю ее грудь. Подумала, наверное, что нравится мне. Я еще рот раскрыл, и она заулыбалась. А мне как-то долг с Сереги получать надо. А я рот раскрыл, чтоб сказать, что эти диафильмы мне нужны. Ну и сказал, конечно.

Я вышел из магазина, а к Сереге уже добавился Степик, его младший брат. Степику я сказал, что брат его деньги мои зажал, на что он мне возразил, дословно – наносное все это. То есть это я могу понять – выхватить какой-нибудь сквозняк и потом его как попало притыкать – я тоже так делал. Ну, вот он умнее Сереги, а тоже угощается пряником с болгарским соком – потратили мой рубль. Серега так пьет, а Степик для себя, наверное, что-то объясняющее такой поступок придумал. Избавившись от денег, Серега перестал плакать – наверное, по его логике, раз диафильмов не купил, а денег нет, то теперь уж точно о возвращении долга забыть можно.

Когда я увидел Осипова, он уже раньше меня видел и махал рукой. Степик с Серегой тоже посмотрели на Андрюху, а он позвал меня по имени – чтоб братья не подумали, что и к ним обращаются.

– Чего ты с этими хохлами связался? – у них была фамилия Шевченко, но приехали они из Караганды. – Водишься с хохлятскими ебанатиками.

– А нам, зато, бабушка привезет брюки-техасы. – Сказал обиженный Степик, а у Сереге на пухлых щеках вспыхнул румянец, и он глотнул томатного сока из бутылки.

Осипов плюнул то ли себе, то ли под ноги братьям и они перемялись с одной ноги на другую. Думаю, Степик тогда больше новое слово ввернул, чем похвалился брюками, которых ведь еще не было. Ну и зря он это сделал – бабушка и правда подарила им потом джинсы, а Осипову к тому времени сшили штаны из толстого вельвета. Тогда он сразу сообразил, где ему нарезать для них красивых пуговиц – нарезал их с шевченковских техасов, когда братья переоделись на Новый Год в зайчиков.

– Хуясы. – Плюнул и ответил Осипов, и если бы выше не вставлялся период с проекцией в будущее, то заметной стала бы произвольная рифма того типа, что были тогда у нас в ходу.

– Хуйтрататасы. – Еще добавил Осипов, и мы пошли с ним играть в людей.

Продавщица как будто вспомнила, что ко мне следует относиться по-особенному:

– Послушай, про Антилопу и Маугли все раскупили. Вот есть... – она попыталась прочесть этикетку, а мне и так было видно, что это «Гаргантюа и Пантагрюэль», но решила не напрягать свои голосовые связки и стала перечислять всяких аленьких цветочков. Так бы, может, и дальше шло, но из служебного помещения появилась Граблючка, и что-то спросила у продавщицы, а потом поздоровалась со мной.

– А Олег выйдет? – Используя разговорный стандарт мальчика своего возраста, спросил я, тоже поздоровавшись.

– Да он уже гуляет где-то. – Ответила она и снова повернулась к продавщице. Я предполагал, где может быть Олег – точно, собирал бутылки за овощехранилищем или около ОГВ – он копил на велосипед.

А Граблючка выясняла, знает ли продавщица, чего стоит привезти в магазин нужные вещи. Понятно – вопрос был не на знание, а на смекалку – нечего отпускать рюлекс или еще что-то подобное кому попало.

Но в тот раз мы в людей не играли. А игра была про вылепленных из пластилина солдатиков. Вместо плоских пластмассовых памятников красноармейцам и персонажам Ледового побоища мы изготавливали отряды самолепков в бронезилетах, а под ними паспорт – клочок бумаги с именем Грем Грин, Ринго Стар или Геринельдо Маркес. Именами торговал я – шли по вооруженному человеку за три паспорта. Несколько дней мы готовили свои армии, после чего случался повод для войны. Людей раскладывали в окопах или других укреплениях, а потом долбили из рогаток, истребляя личный состав противника. Убитые, раскуроченные тела переходили в собственность победителя в качестве трофея.

Осипов командовал самой мощной армией и редко вступал с кем-нибудь в союз. Он метко стрелял из рогатки и быстро лепил новобранцев – это Андрюха придумал канон – лепить так, как он лепит, а другие обязаны были копировать его малоэстетичных, но узаконенных гоминидов.

Руки, как заточенные, чтоб лепить по быстрому и избыток трофейных подразделений обеспечивали Осипову массу свободного времени, в которое он придумывал мирную жизнь. Слепил несколько проституток и часа два разыгрывал драму в публичном доме – все женщины были изнасилованы и убиты, кроме одной – на ней женился капитан Брандо, предварительно перерезав весь осиповский офицерский корпус и приняв чин полковника.

Однажды полковник Брандо напился на юбилее президента, осуществил переворот, пустил по кругу свою жену, потом ее зарезал и объявил войну всем сопредельным государствам. Оказалось, что к этому моменту в его армии был принят на вооружение новейший огнемёт Лепажка. Он изготовил его из пластмассовой бутылки, налив туда бензин. Брызнул на наши позиции, поджег струю и спалил все союзнические войска. В тот раз Шевченки впервые участвовали в игре. Они долго готовили свою армию, солдаты которой с трудом проходили осиповскую медкомиссию и получали сертификат «годен», а теперь в секунды все потеряли. Им было обидно, и Андрюха сказал, что раз им не интересно, то пусть катятся, однако объявил мораторий на использование огнеметов – с ними игра теряла смысл, а ведь это он ее придумал.

Мы подошли к гранитной глыбе – куску скалы чуть поменьше железнодорожного вагона, свернутой с берега в озеро – по ее ребрам и граням с кавернами мелом были проведены границы наших владений, а в тайнике в подножии камня, обращенном к суше, были запрятаны люди, но мы за ними не полезли. А заметили сразу тогда массовое копошение водяных насекомых, которые обычно плавали около дна на мелководе, а теперь повылезали на камень – просто засыпали его, что и ногу некуда было поставить. Мы разглядывали всю эту историю. Оказалось, что копошатся не все. У тех, что не

двигались, отсутствовали внутренности! Из некоторых туловищ с высосанными внутренностями торчали мокрые стрекозы со слипшимися крыльями. Другие стрекозы реяли над смертельной битвой.

Потом мы возвращались в поселок – свернули с грейдера, шли по черной гари, из которой торчали зелено-желтые побеги хвоща – выгоревшая поляна, как негатив королевской мантии с вздымающимся из-под ног зольным пухом. Как напоминание о преобразившемся увиденном – водяные пауки, как геральдические двустрихья горносталя на белом поле, и их опрошение – письменный гранит. Я думал и заговаривал в какие-то моменты: это, как религия, это было явление – и такое, какое называют непонятным и необъяснимым, и явление чего-то кому-то, как на картине Иванова про евреев и Христа. На земле, где воевали наши люди, совершается война каких-то чудищ, хотя знакомых и нестрашных, но вдруг пугающих, открывающихся стороной, которая могла бы быть описана в научной фантастике, но такая книга еще не попадалась.

– Давай завтра соберем всю дохлятину и сделаем курган. У нас будет что-то такое сакральное. – Андрюха не спросил, что значит сакральное, а я не объяснил бы. А нам и так было понятно. Мы про это условились и, обнявшись, пошли подсекать у большого туалета.

У взрослых в это время был обеденный перерыв, а туалет на восемь мест с каждой стороны стоял транзитом на путях с работы или из дому. Такая, вроде Тынды, узловая станция. Увидеть что-то через щели в горбыле или сквозь дырки от выбитых сучков было довольно сложно. А некоторые женщины бегали в туалет в домашних длинных халатах – обзора вовсе никакого не было. А Степик Шевченко говорил, что подсекать нельзя потому, что в Караганде в туалетах унитаза и тогда вообще все спрятано от нескромных глаз – смотреть нет смысла, и там никто не подсматривает. Значит и тут не надо подсекать потому, что надо, чтоб все имели равные возможности.

И вот мы с Андрюхой сечем, и он всегда успевает засесть черненькое, а я тоже говорю, что секу, а потом уже не помню, видел ли что-то в самом деле. Мы только засекли черненькое у матери Людки Савеличевой, а тут крик – то да се, да как не стыдно – у таких родителей сын, а дружит со шпаной всякой. А это была та продавщица в желтой рубашке – никак не угомониться насчет моей семьи.

– Мы же не за вами смотрим. – Объявил я, и Андрюха укатился со смеху – сложил руки на животе и, давась, присел на корточки. Продавщица покраснела, как раньше Серега и, выпятив грудь в рябом лифчике, рванула вдоль теплотрассы.

А я думаю – лишь бы мать Савеличевой не вышла и нас не узнала. Она и не вышла – понятно, чтобы не позориться. Осипов и я с ним запрыгнули на теплотрассу и побежали за продавщицей следом. Я смеялся, а Осипов запел, демонстративно прикрывая рот ладонью, как – только для меня, переименованный припев песни про зайцев:

А нам подсмотреть,
А нам поцеловать.

Эта версия была еще одним переименованием. Тут «поцеловать» заменяло другое неприличное слово, которое пропевалось в основном, предельно переделанном, варианте. У продавщицы подпрыгнула задница – она прибавила шагу.

– Да ладно строить-то. Все видели, как в озере со Славиком Анкудиновым зажимались. – Крикнул Осипов и затянул снова – а нам посмотреть, а нам тра-та-та.

Я подхватил вторую строку и спел ее с неприличным словом, нечаянно во весь голос, может, решив, что после разоблачения пляжных вольностей продавщицы, не стоит ограничиваться слушаньем друг друга. А подумал, что и Осипов также петь собирался, но он замолчал и остановился.

Желтое пятно над прыгающим задом исчезло за столовским углом, а я по-тихому сообразил, что отколол что-то расходящееся с Андрюхиным представлением о способах развлекаться.

Мы молча добрались до туалета и сели под насыпь. Осипов будто задумался, а я выкорчевал небольшой подсолнух, выросший из семечки, не донесенной до помойки – из его корня можно сделать чучело осьминога, бросить в банку с водой и все дела – осьминог в аквариуме. Осипов додумался:

– Ты чего там разорался, баран? Она теперь ханам твоим расскажет, знает ведь их – сама говорила. А то еще моим может.

Как-то Андрюха, на мой взгляд, сдулся тогда. Если бы его не боялся, то дать бы ему за барана по уху, как раньше Сереге, а так – он разные приемы знает, и я опустил глаза и покраснел, как Серега, а потом продавщица.

Потом Осипов подобрался: – Если скажет, отец с меня кожу сдерет, а я тебе тогда чердак сделаю молотком на голове. Ладно, пора мне.

Я пошел домой, отрезал себе сыра и хлеба и, жуя бутерброд, закопался в детскую энциклопедию. А там статья про пресный водоем, и есть картинка про его обитателей. Среди других на ней изображались и членистоногие, которых рвали стрекозы на нашем камне. Из подписи к картинке я

узнал, что это и есть личинка стрекозы, а то, что мы с Андрюхой наблюдали, была никакая не священная война, а обычный для насекомых метаморфоз.

Это никакое было ни смутное беспокойство – а понятно, я переживал, как спел матерщинную песню при взрослой. Ну, я и спел-то для нее, раз не прикрывался ладонью. Но она, видать, ничего не сказала родителям, они мне ничего не предъявили за это. А, видать, я и тогда сразу понимал, что она не станет жаловаться. А Осипов не мог про нее и меня такое понять. Но вот я, все же, беспокоился потому, что как-то оказывалось, что не внешними обстоятельствами напуган, а так – что-то тревожило изнутри.

Так я сидел и кумекал в детской, а потом слышу – кто-то к нам пришел, а как заговорил, то ясно, это Степик, – тетя Галя, можно Ваш сын посмотрит у нас диафильмы? Такая у него дурацкая манера, так их воспитали. То есть, это Степик так говорит, а Серега в жизни не решится, обращаясь к кому-то сказать хотя бы такую глупость. Самоопределения не бывает – наверное, их бабушка каждый день присылает им про это телеграммы. Конечно, они не додумаются поинтересоваться – может, я и не хочу к ним идти, в гробу видал их гости. Но тетя Галя ведь разрешила – вот что они возразят мне, недоумевая о том, какие еще могут быть причины для отказа пойти к ним.

Ну вот, а мама сказала: я, говорит, не ел еще.

– А у нас вареники. – Степик наготове, я вышел в прихожую – Серега тоже там стоял, стоит – пухнет и мнется.

Шевченковская «пэдэушка» напротив и немного наискось по улице от нашей. Мы шли, наверное, помедленнее, чем могли бы идти, как обычно это делается при переходе из одного дома в другой – на бревенчатой раме, куда вставала «водовозка», а люди потом к ней подбегали с ведрами, пока не уехала, сидели пацаны и слушали, как Осипов рассказывал про противостояние стрекоз и водяных пауков.

– Чего, опять к хохлам тащишься?

Степику хватило ума не рассказывать о том, что, зато у него вареники и диафильмы, но мы приостановились.

– А мы сейчас пойдем на камень смотреть, как стрекозы пауков сожрали. – Осипов повернулся к Димке Белову и Олегу Граблюку и сказал про меня: – Он тоже видел. Докажи, у них там война.

– Это не пауки, а личинки стрекоз. У них там метаморфоз происходит.

– Ебутся что ли?

– Нет, перерождаются. Я в книжке посмотрел.

Такая штука – сам собой интересный для наблюдения процесс ступенчатого взросления насекомого не помещался в пацановский кругозор. Уже и названный, не воспринимался таковым без увиденного или представленного в его контексте черненького, а в сегодняшней ситуации еще и играл на понижение авторитета Осипова. Андрюха не стал спорить, книги он не очень читал, но голова у него соображала быстро. Да и какие могут быть у этих насекомых войны – если бы пауки не были личинками, то чего им из воды лезть в стрекозиные пасти.

– Вот ты умный такой, а чего продавщице матом-то спел? Он ей матерщинную песню спел. – Осипов снова обратился к Димке и Олегу.

– Эй, а чего он спел? Чего? – Затарахтели они.

– Она ничего не скажет, наверное. – Сказал я.

– Посмотрим. – Осипов повернулся к братьям, потому что Степик неожиданно заговорил.

– Андрюха, отгадай загадку и реши вопрос – спереди желтенькое, сзади коричневенькое, что такое?

Я знал ответ, Степик, наверное, загадку из Караганды привез и мне уже загадывал. Я сам давно хотел ее кому-то загадать – забывал все время. На лице у Осипова выразилось бычье недоумение – полусклонилась голова, брови поползли к переносице, а нижняя губа сдвинулась вперед и к низу, готовая отпустить грубость. Он молчал, наверное, пытался сообразить, а я почувствовал силу, двигавшую Степиком – так рискованно разговаривать с Осиповым можно было только заигравшись. Или это могла позволить серьезная заинтересованность в изменении отношения к себе, на более уважительное.

– Какая еще загадка? Ладно, ну и что это такое?

– Не знаешь? Это твои трусы.

– Неправильно. – Осипов сразу обнаружил насмешливый характер загадки, но и также быстро нашел в ней какой-то изъян, рассогласовывавший ее со евоными по определению более верными понятиями о предмете. – Спереди надо говорить беленькое, потому что – малофья. Он думает, что если сам ссытся, то и другие тоже. – Повернулся он к Димке и Олегу.

Андрюха тогда, наверное, посчитал, что, развенчав загадку, даже сумев развернуть ее к спрашивающему, как-то отыгрался за неподтвержденный мною рассказ и, ничего не предприняв относительно степиковой дерзости, спрыгнул с мостков. Ребята потянулись за ним, а я дернул Степика:

– Ты все правильно загадал, его не слушай. – Так говорил ему потому, что тогда Степик стал за меня, а я за него.

Дядя Тараса, шевченковского отца дома не было – он работал на смене в бригаде путеукладчиков. Без него лучше – дядя Тарас в любой момент мог вспомнить о том, что детей-то надо воспитывать, и если я оказывался с ними, то воспитательные мероприятия и меня касались. Хотя, то и дело обещая поставить сыновей и меня вместе с ними в угол на горох, дядя Тарас еще ни разу при мне не осуществил этой меры, все же введенные угрозой в транс братья на некоторое время выпадали из игры, а я не знал, куда приткнуться до их возвращения. Не думаю, что я скоро превратился бы в Серегу со Степиком, но об эффективности методов дяди Тараса точно известно мне не было, а воспитанных братьев я ежедневно видел. Так что не понятно, как вышло бы, если бы железная дорога не тянулась от поселка все дальше и дальше, теряясь в тайге, делая наши с дядей Тарасом встречи совсем редкими.

И мы поели вареников – вкусные. Тетя Люба спросила, а мама твоя делает вареники? Я ответил, что да – делает.

– Такие же вкусные? – Спрашивает. У них вся семья, может, была безумной.

– Нет. – Говорю. – Ваши гораздо наилучшей. – Тетя Люба цветет, а я у своего отца этому научился. Перенял привычку вытаскивать собеседника из сомнительной ситуации, в которую тот влезает, а заметить это, по скудости ума, не в состоянии. Спасать их, хоть и себе в убыток – дурацкая дипломатия такая.

Тетя Люба окна зашторила – хоть и пользовалась при этом лыжной палкой, все равно, похожей на ту продавщицу вышла – одинаковые прыгающие зады. Стали смотреть диафильмы. Серега растянул на стенке простыню, и на этом его функции заканчивались, Степик крутил пленку, Тетя Люба читала. А я гостил.

Тетя Люба читала: «Во время бури все растерялись, и дрожащую мачту стал поддерживать...». В предыдущем кадре «Гаргантюа» она как-то могла прочесть, а тут говорит: – Вам трудно это будет, давайте я буду называть его Пантой. Степик с Серегой обрадовались. Степик говорит: – Да, правда, Панта наикрашей звучит.

Другой диафильм смотрели про богатого и бедного китайца, и там было заклинание:

Дуйте ветры буйные, дуйте побыстрей.
Унесите толстяка на остров богачей.

То есть, та песенка, из которой я слова для разбора с Серегой использовал, и я от этого застеснялся. Разглядел, как он поджимает губы – он так делает, когда пухнет и обижается. А тогда, вернее, что Серега не про свой долг и связанные с ним обстоятельства вспомнил, а так расчувствовался из-за китайских приключений.

Когда в прихожей Серега со Степиком нависали надо мной – я завязывал шнурки – тоже, наверное, соблюдали какой-то ритуал, придуманный их семейкой. Вроде, как если бы этот ритуал двести лет назад придумали. Под стенкой лежала удочка дяди Тараса.

– Ого, какая удочка. – Сказал я, все же мне нравилось делать людям приятное.

– Дорогая за то, что тяжелая. – Веско разъяснил Степик, пока его брат дулся и краснел от удовольствия.

– А покажи.

Степик нагнулся к удочке так, что я смог шепнуть в его оказавшееся около моего рта ухо:

– Если завтра рубль не пригоните, Осипов сказал, вам чердак сделает молотком в голове.

НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ РАССКАЗЫВАТЬ

Несколько десятиквартирных барачков занимали пологую подошву сопки. Стояли то правильно, то – два таких же дома – нарушая порядок. Улица называлась Донецкая – многие из живущих на ней работяг приехали из Авдеевки или Макеевки. Сопка спускалась к домам северным склоном, так что большинство растущих здесь деревьев составляли лиственницы. С началом зимы с лиственниц осыпалась хвоя, как будто иначе зиму от лета не отличить. Сопка чернела скалистой вершиной. Ниже, на осыпи, рос кедровый стланик, и между его лапами склон едва светлел снегом. Потом он становился настолько белым, насколько это возможно в недавно обжитой людьми местности – там, где торчали черным крапом голые стволы лиственниц. Потом – голые кусты багульника. Дальше – дома и теплотрассы вплетались в описанное веретено.

Такое замечалось до тех пор, пока не вечерело, и зимняя темнота быстро спускалась в поселок. Только освещенная главная дорога и, в определенные ночи, луна бросали тени от низких, но стоящих по склону над столбами с лампами, домов и водокачки на поверхности сопки и неба.

Устав всматриваться в эти границы, Валера Конорев решил, что их нет, а просто так разыгралось его воображение.

Мальчики лазали по стройке, бегали по коридорам и комнатам едва сшитого барака. Сначала их было двое – Валера Конорев и Саша Новик. Саша был на два года старше Валеры. Он рассказал, как в классе у них была игра, и то ли выигравший, то ли проигравший должен был целоваться. – И ты целовался? – спросил Валера. Презрительный тон вопроса, подчинял Сашу необходимости оправдываться перед своим другом. Услышав в его вопросе обвинение в предательстве каких-то подразумеваемых заповедей, он развел руками. – Приходилось. – С кем? – продолжал допрашивать Валера, почувствовав слабинку друга. – Только с Наташкой Зайнагабдиновой, а Андрюха Осипов – почти со всеми. – Врешь, ты тоже со всеми целовался.

Когда он был белочкой, а Валера собачкой, то Саша оказался в тупиковой комнате. Задыхаясь, он проговорил, – Три, три – вне игры. Перевернутыми до нелепости правилами такое разрешалось. Саша расстегнул трикотажные брюки и оттянул вниз трико и теплое нижнее белье.

После, отвернувшись от угла, сказал, – Смотри, что у меня. Валера подошел и посмотрел, – Ничего не видно. – Тогда потрогай. Валера протянул руку, и его пальцы ткнулись в теплый живот друга. – Чувствуешь, негладкий? Валера ничего не почувствовал, кроме тепла проведенного по пальцам в его остальное тело, и все же он, догадываясь, спросил, – У тебя уже растут волосы? – Точно, – торжественно ответил Саша.

В другой части дома слышались шаги, – Пацаны, вы где? – Мыслик пришел, – заправляясь, сказал Саша.

Валера подумал, что тоже поцеловал бы Зайнагабдинову – она была красивой девочкой. Однажды Валера видел ее в библиотеке. Ему тогда повезло – нашел потрепанную книжку про капитана Врунгеля. Так его научил выбирать книги Витя Мыслик – потрепанная, значит хорошая. У другой полки стояли старшие девочки Наташа Зайнагабдинова и Инга Егорова. Они тыкали друг друга в страницы и смеялись, потом оглядывались. Книжка, которую девочки листали, была акушерским справочником, и Валера услышал, может быть, слово аборт. Валера понимающе и снисходительно улыбнулся, и Зайнагабдинова, может, подумала, будто ему правда что-то понятно и улыбнулась в ответ.

Точно, если бы я только захотел, Зайнагабдинова сама бы меня просила целоваться, так подумал Валера – мне просто этого не нужно.

Втроем играть в белочки-собачки было интересней, появилась возможность применять более жесткие правила – игра становилась игрой. Бегать теперь полагалось только по не накрытым стенкам барака. Почти не бег, но семенение, балансирование мальчиков, неутомимых в погоне по вывернутому наизнанку, от того бессмысленному лабиринту. Их бегущие тени проецировались на склон сопки и, если бы произвести обратную проекцию продырявленных ветками теней на мальчиков, то все бы они давно уже были мертвы.

Эдик Шамберев шел по главной дороге. Другие улицы поселка не освещались, а по сторонам этой стояли столбы, и горящие на них лампы, полуспрятанные в отражатели, направленные на дорогу, предъявляли ее коридор без связи с остальным миром. Эдик шел, и несколько его теней то укорачивались, то удлинялись. Вечер был морозным, но Эдик напился, и холод ему был трин-трава, так что свою шубу из искусственного меха он расстегнул. Может быть, он ее вовсе не стал застегивать, а так и вышел от Володьки Петрова. Сунул руки в карманы и распарусив полы направился на танцы.

– Хреновы женатики, – иногда повторял, а то, просто сидело в голове у Эдика.

Петров накануне забрал жену из роддома и позвал Эдика в гости отметить событие. Еще пришли другие. Большинство вместе с Эдиком и Володькой работали в мостоотряде. Почти все собравшиеся, без женщин, уже отмечали – как только о рождении дочки стало известно, на мосту сделали шабаш. Часть бригады, из холостяков, не просыхала еще два дня. Но Эдику как-то удалось не потерять с ними счета – с Петровым они дружили с первых дней на БАМе, так что, было очевидно, на культурный аналог дня рождения Володькиного потомства, его тоже пригласят. Не идти же туда с перепоею.

Теперь опять собрались, с женами и подругами. У Эдика не было пары, но это почти незаметно на молодежной пьянке. Как на картинке Бидструпа – моя не пришла, и парень обнимает дерево. После этой пантомимы Эдик сказал продолжительную и толковую речь в честь матери и ребенка, а также похвалил отца-молодца – дочка весила больше четырех килограммов. Но когда гости, одни, потом другие, стали расходиться, выплыла обычная заковыка.

У Эдика не было пары. То есть остальные выпили, поплясали и знали, что не останутся в одиночестве и за пределами праздничного стола, чего им было задерживаться? А Эдик про себя так не

думал. Эдик тянул до последнего. Все попрощались – оставаться дальше выходило неприличным. Петров вышел вместе с ним на площадку и втихоря от жены, занявшейся новорожденной, выпил с Эдиком по полстакана. Мужик Володька, – подумал Эдик, – понимает все.

Так он шел по освещенной дороге, но потом ему приспичило, и Эдик свернул в темноту. Вывалился из галереи света, влез на теплотрассу и на миг стал частью наблюдаемого мира – бросил кривую, пораженную ветками тень на подножье сопки. Перемахнул теплотрассу. Враскачку управляясь, Эдик придумал пойти в котельную и, может быть, еще выпить с дежурными.

Почти всегда получалась одно и то же. Никто не был против его компании, но разве могли его друзья проводить с Эдиком круглые сутки? Серьезно он не ставил вопроса, на который можно было бы так ответить. Ребята, строившие с ним мост через ручей за поселком, а раньше и другие мосты, пару лет назад стали жениться. С Эдиком такого не случилось, а потом откуда-то взялось это чувство неловкости. Чем дальше, тем больше он, сомневаясь относительно их реакции – не осмеливался привести к ним в гости ни одну из своих знакомых, которые были общими, до женитьбы друзей. Даже эта шалава библиотечарша, косящая в интеллигентку, тут не к месту будет, – думал Эдик, довольный ироничностью такого анализа и самоанализа, – женатики хреновы.

Так он и не брал с собой никого. Веселился со всеми, а потом пьяный возвращался домой. Твердил, – Я один, я один – сука, блядь и Хуснутдин. Хуснутдином звали крановщика, уснувшего прошлой зимой в башне – он там насмерть замерз. Раньше получалось забрести к какой-нибудь малярше, а теперь нет. А его знакомые девушки, после того, как Эдик напивался где-то, а потом к ним перся, и так от раза к разу, тоже знать его не хотели. Тоже понятно.

Один из щитов в стене строящегося барака оказался незакрепленным, и Валера едва успел перебежать с него на соседний. Как обычно это и бывает с детьми, Валера даже не испугался, а потревоженный щит с грохотом хлопнулся на пол. – Сматываемся, – крикнул Саша, и мальчики побежали вон со стройки. В темноте, петляя между деревьями и перелезая через теплотрассы, они добежали до котельной, и остановились, тяжело дыша. – Видали, как я втопил, – сказал Витя. – Обосрался, вот и втопил. – Да, как будто вы не обосрались. Мальчики выглядели довольными – неожиданно вышло приключение.

Валера задрал голову и долго смотрел на небо, а потом на сопку с незаметными тенями. О тенях он знал, ведь мог различать их перед этим. А сейчас на месте сопки было только черное пятно, как небо, если бы на нем не светились звезды. – На сопках Грузии лежит ночная мгла, – проговорил Валера. Нормально я придумал, – решил он. И верно, не такой уж тривиальный перифраз для головы ребенка. У Валеры такие умняки лепить здорово получалось. Этим талантом нивелировалось превосходство старших мальчиков над ним в чем-то другом. Поэтому они с Валерой дружили.

Все задрали головы – Валера еще раньше показал им Медведиц и Кассиопею.

Кто-то тихо говорил им, они даже сразу не услышали, – Идите сюда. Мальчики так и стояли, опустив руки, только головы вместо неба уперлись в валенки. Эдик, а это был он, говорил тихо, но жестко. Медленно проговаривал слова – язык не очень-то слушался, – Стоять всем. – Сматываем удочки, – пробуксовав несколько шагов на месте, уже на бегу, крикнул Саша, но Валера с Витей не двигались. Над ними висел длинноволосый парень с усами. Эдик полминуты, покачиваясь, молчал, и мальчики почти смогли решиться побежать за Сашей, но парень за это время подобрал нужное слово, – Стоять, – будто осмысленно прошептал он, и добавил, – Пошли со мной.

Валера и Витя, не то чтобы не понимали, что парень пьяный – они не очень-то об этом думали. Не видели разницу, пьяный взрослый поймал их или не пьяный. Нечего было лазать по стройке. С Сашей было по-другому. То, что парень напился, Саша сразу сообразил, значит и слушать его нечего. Раз уж удалось от него вырваться, то Сашу он не догонит, только вот пацанов надо выручать. Пока Эдик вел мальчиков, Саша несколько раз подбегал и кричал, впрочем, с безопасного расстояния, – Бегите от него, отпусти их, козел. Тогда Эдик останавливался и поддегивал за воротник Валеру и Витю. – Ага, бегите – мы не дураки, убежать, – говорили они, глядя на Сашу исподлобья, но, надеясь, что взрослый отпустит их за покладистость.

Покричав и не придумав, чего бы еще сделать, Саша убежал. Эдик, осмотревшись, говорил: – Тихо, – и они шли дальше.

Он привел мальчиков во двор детского сада и втокнул их в бревенчатый домик, изображавший избушку на курьих ножках. Домик стоял на пне вековой лиственницы, который нарочно решили не выкорчевывать при планировке детской площадки.

– Сколько тебе лет, – спросил Эдик у Валеры, и тот ответил, – Девять. – А тебе, – он повернулся к Вите. – Десять. Витя ответил и заплакал, – он понимал, что ему придется отвечать за хулиганство на стройке, как более старшему. – Тихо, – сказал Эдик и расстегнул брюки. Потом еще раз сказал, – Тихо, – и, вынув член, добавил, обращаясь к Вите, – Соси.

Окно выходило на главную дорогу. Лампы, освещавшие ее, доносили свет и до домика – едва освещенное помещение, будто так и должно быть. Такой свет Эдика не тревожил. – Соси, – Эдик приблизился к Вите, пытавшемуся втереться в стенку или найти щель между нею и Валерой. – Зачем, дяденька? – это была и произвольная уловка, и Витя с Валерой действительно не понимали смысла того, что предлагалось им делать. Эдик раскачивался из стороны в сторону, казалось, он не вынул член, а ухватился за него, чтобы не упасть.

Валера смотрел на освещенный волосатый живот, и в его мыслях страх перед имеющим возможность наказывать взрослым мешался с недоумением, вызванным его поведением. Витя плакал так же, как он это делал, если школьный учитель хотел вызвать его родителей, – Отец с меня семь шкур спустит.

Нелепость того, что требовал от них взрослый, могла казаться смешной. Но Валера не смеялся, а, как-то, похоже на смех, шмыгнул носом. – Ты чего ржешь, зародыш? Валера испугался и еще раз шмыгнул носом, – Я не смеялся. Но Эдик, используя случившийся проводник сюжета, сказал ему, – Нет, ты рассмеялся. Теперь он повернулся к Валере, – Ты соси.

В домике потемнело вдруг и заметно. Отвлеченные неожиданной темнотой Эдик и мальчики посмотрели в окно – Саша с видом героя стоял на теплотрассе, между лампой на столбе и окном, загораживая свет. – Эй, козел, отпустил их, быстро. Эдика шатнуло назад, и он оперся на противоположную от мальчиков стенку. – Сидеть. Тихо. Я кента вашего укопаю и вас, заодно. Мальчики и сами считали, что Саша своими выходками только ухудшает их положение. Ведь понятно уже, что взрослый не знает про то, что это они завалили щит, а в чем-то другом они не виноваты, значит, скоро он их отпустит.

Какое-то время Эдик, наклонив голову, молчал. Когда мальчики всхлипывали, он только дергал головой. Пока его мучило, Эдик держался за одежду мальчиков. Потом он немного очухался. – Соси. – Я не умею, – плакал Витя. – Дяденька, отпусти нас, мы больше не будем, – плакал Валера. – Сколько лет, – опять спросил Эдик и подумал, – ебануться, что за хреновиной я тут занят. – Четыре, – сказал Витя. – Мне три года, – Валера совсем не хотел становиться старше своего друга. – Сосите, суки.

На этот раз Саша подбежал к входу в домик. – Козел, если ты их сейчас же не отпустишь, я батю позову, он тебе судьбу сделает, он тебя пристрелит, у него «вертикалка» двенадцатого калибра.

По освещенной дороге, в сторону клуба проехал «магирус» – мужики из Олимпийского прикатили на танцы. Лампы светили на дорогу, так что роль тени от автомобиля, не имеющей возможности покинуть дорожные обочины, исполнил звук работающего движка и колес, трамбующих снег на грунтовке. В секунды сопутствующего страху отрезвления, Эдик, не узнавая, смотрел на двух пацанов, сидящих вместе с ним в странной избушке, где его угораздило заблудиться. Эдик застегнул брюки и вышел из домика, упал с предпоследней ступеньки носом в снег – руки он держал в карманах расстегнутой шубы. Эдик ругнулся, поднимаясь и, не отряхиваясь, прихрамывая, побежал.

Саша, увидев вышедшего Эдика, рванул к своему дому – можно, в случае чего, и, правда, позвать отца. Мальчики так и сидели в домике, молчали и думали, что взрослый скоро вернется с пойманным Сашей. А потом они поняли, что свободны. Валера сказал, – Правда, Новик смелый? – Да. – Вить, а у тебя тоже растут волосы? – Нет, конечно, с какой радости?

– Эй, пацаны, вы тут еще? Не обосрались там?

Саша стоял с боку у крыльца и заглядывал в дверь. Он сделал хороший круг, но домой забегать не стал – случившееся приключение было слишком дорого, чтоб так легко разменять его на спасение, и теперь, опираясь на суковатые перила крыльца, пыхтел и всем был доволен. – Да его тут нет, – сказал Витя. – Ясное дело, нет. А вы там чего сидите, обосрались, что ли? Мальчики выглянули за дверь, – Ага, тебе бы так.

По дорожному коридору мальчики побежали в клуб. Площадка перед ним выглядела, как нарост или освещенный зал, после узкого, но такого же светлого, пещерного хода, продолжавшегося дорогой дальше, из другого конца зала. В клубе играл местный оркестр, и молодежь танцевала. Родители Саши и Вити ходили на танцы редко, только в выходные дни или после каких-то вечеринок, а тогда был просто вечер после рабочего дня. А отец Валеры был бас-гитаристом в художественной самодеятельности клуба и поэтому корешился с неженатой молодежью и вечера проводил в клубе.

– Папа, мы гуляли, а какой-то дядя поймал нас и завел в избушку в детском саду.

Миша Конорев и подошедший клавишник Витек Пивоваров, тоже женатый и имеющий сына – ровесника Валеры, переглянулись. – Чего? Валера еще не встревожился, но слегка засомневался, стоило ли являться с этим к отцу. – Мы ничего не делали, докажи, Саня, он сам нас схватил и завел в избушку. – И что дальше было, чего он хотел, ты его запомнил?

Способ рассказа, предполагавшийся Валерой, не годился – отец не требовал оправданий, странным образом виноватым выходил взрослый. Тут Валера и понял, что ни о чем из случившегося

отцу рассказать не сможет. Все его – ну и что, что неточные, а других еще нет – представления об устройстве отношений между людьми подтверждали – о случившемся ему не рассказать.

Но и отец Валеры, и собравшаяся вокруг молодежь, без того сообразили, что произошло, и, вообще, что могло бы из этого выйти. – Санек, ты самый здоровый из них – чего мужику от вас надо было? Саша, вспоминая происшествие с самого начала, понимал – ему и самому мало что ясно, но чувствовал себя вроде мушкетера, и теперь он совершал благородный поступок, не выдавая друзей, – Да он пьяный был, а меня не было с ними в избушке, я сразу ноги сделал. – А вы чего стояли, бараны? – набрасывая полушубок, проговорил отец Валеры.

Над выходом из клуба висели девять плафонов с накрашенными на них буквами его названия – «Багульник». Когда человек двадцать организовавшихся преследователей высыпали на улицу, то протиснувшийся между их фигурами свет из плафонов, нарисовал на снегу стрелки военной карты, а длинные тени мужиков бросил на сопку. Мужики прочесали окрестности детского сада, клуба, школы, зашли в котельную. Отец Валеры дал подзатыльник невменяемому кочегару. В местах, до которых за это время мог добраться пьяный, Эдика не было. Наверное, они могли бы убить его, если бы догнали. И это была бы вторая, после случая с Хуснутдином, смерть в поселке.

Кое-что произошло несколько месяцев спустя. Тогда уже начиналась весна – лиственницы еще не зазеленели, но сползавший и таявший снег оставлял сопку серой, обнеяснив веретено, которое описывалось сначала. В воскресенье в школьном спортзале мужики играли в мини-футбол, гоняли мяч, лупили по стенам, пытаясь попасть в створы хоккейных ворот, а мальчики играли в настольный теннис на антресоли.

Валера с Сашей залезли в каптерку физрука – она располагалась под лестницей, и между ее пролетами легко было отогнуть лист фанеры, освобождавший угол, достаточный для того, чтобы подросток мог протиснуться внутрь. Среди лыж, коньков, мячей, дисков и копий для метания, мальчики нашли коробку с незаполненными удостоверениями ДСО «Локомотив» и решили создать футбольную команду.

Поднявшись на балкон, они поделились находкой и планами с Витей, прервав его теннисную партию с Андреем Осиповым. Последний не проявил никакого интереса к тому, о чем говорили ребята. Осипов повернулся к девочкам, которые зашли в спортзал погреться, и засунул руку под пальто Зайнагабдиновой – она, почти шепотом, улыбаясь, сказала, – Андрюша, перестань. Инга Егорова тоже шарахалась и ужималась вместе с подругой. – Ты-то кого дергаешься, плоскодонка. К Инге подошел Витя и стал зажимать ее. Для нее это, как спасение от гадостей, которые Осипов говорит, – подумал Валера.

Осипов не унимался, – Хоть бы ваты подложила.

Валера подумал, – спроси я у Вити про волосы не тогда, а, объясняя вопрос относительно наличия их у Новика, Витя бы, наверное, ответил утвердительно. Внимательно и, может быть, с завистью Валера следил за поведением Осипова и реакциями девочек. То, что говорил Осипов, Валере не нравилось, но он принимал к сведению – можно и так разговаривать с девочками или о них говорить, раз они делают вид, что так нравится им.

– Перестань говорить пошлости, Андрюша, – сказала Зайнагабдинова. Валере с ней все понятно было.

Осипов равнодушно отвернулся от девочек и дернул за собой Витю, – Шишка мохом еще не поросла. Футболисты, мы в теннис играть сегодня будем, а, Мыслик?

Девочки ушли, а на антресоль поднялся парень. Мальчики его узнали – длинные волосы, усы, расстегнутая шуба из синтетического меха и сиреневые кримпленовые клеши – это был тот взрослый, что поймал их около котельной. Вчера у Эдика была жесткая попойка, и он надеялся похмелиться вместе с мужиками, после того, как они закончат свой футбол. В поселке почти все друг друга знали, и сына Мишки Конорева, бас-гитариста, Эдик знал само собой, но он не узнал ни одного из мальчиков, как участников того зимнего происшествия, о котором или не вспоминал, или просто не помнил. – Чего вылупились? Мальчики отвели от него глаза, а Эдик бросил на штабель из гимнастических матов шубу, и спустился в зал.

– Может, насрем ему в шубу, – предложил Саша?

Сделать это было бы здорово. Отец потом еще расспрашивал Валеру, и тот обещал ему показать дядьку их поймавшего, если придется увидеть его. Валера выполнять обещание не собирался, но какую-то месть сделать – это было бы здорово. – Ага, как же мы насрем? – Да так, – с жаром возразил Саша. В отличие от обсуждения возможности создать футбольную команду, возникший спор, Осипова заинтересовал. – Эй, а что он вам сделал? – Тебя волнует? – нагло ответил Саша. На дерзость Осипов никак не повелся. – Ладно, Саня, кого ты мнешься, скажи.

Саша раньше объяснял Валере, что по силе он в классе третий, а первый, конечно, Осипов. И вот – ничего. Сказал бы я, что не его дело, и мне сейчас ничего бы не было, – подумал Валера.

Саня с Валерой играли в теннис, Витя пытался судить. Осипов сидел на подоконнике, куда-то косо смотрел и сплевывал под подоконник за чугунную батарею. Снова поднялся Эдик, надел шубу и снова спустился.

Крики с матерками слышались через минуту. – Я им головы поотрываю, это детишки хреновы. – Сматываем удочки, пацаны, – сказал Саша. Мальчики схватили шубы и шарфы и, слетев вниз по лестнице, выбежали из спортзала. Добежав до перелеска за озером, они остановились. – Блин, как-то быстро они заметили. – Может, этот усатый козел заметил у нас удостоверения. – Или Егорова обиделась на Андрюху и мужикам рассказала. – Главное, никому не показывать теперь удостоверения, – сказал Саша. Витя и Валера согласились.

Осипов сидел на поваленной осине и раскачивался, пружиня ногами. Закурив сигарету, с жалостью посмотрел на трех мальчиков. – Ни фигя себе, ты куришь. – Я-то курю, а вы что, подумали, это они из-за бумажек ваших футбольных разорались? Осипов здорово делал вид, что не верит своим глазам, глядя на таких тупиков. – Это же из-за меня, это я насрал ему в шубу.

УКЛАДКА

Осенью в поселок приходили изюбри. Чтобы рыться мордами в помойках. Так их видели много раз, но все до прихода первого поезда.

Тогда изюбря увидел водитель водовозного «зилка» Александр Глушков: без рогов, значит, это была изюбриха – пила воду из речки. Выбрала место, где, еще не слепив ледяные веки, по обсаженному валунами и кустами шиповника берегу плескалась полынья. Спустилась в бегущие по видимому дну желтые струи – коленные утолщения на подрезанных ногах растеклись кажущейся суводью по мокрой плоскости, отделившей животное от его отражения.

Глушков развернул машину и поехал к знакомому охотнику – нашел его в клубе, он там работал художественным руководителем. С Виктором Пивоваровым вернулись к полынье и вместе теперь увидели – пила изюбриха. Выстрела из тридцать четвертой «тозовки» хватило, чтобы изюбриха пала на колени – вода, как столовый нож, отрезала вторые порции оленьих ножек, течение завалило ее на бок. Изюбриха оказалась подранком с двумя картечинами в возвышавшемся посреди расходящихся радужных и потом кровавых кругов боку. Из-за ран так долго стояла и пила из холодной речки. Если бы не было предыдущих ран, то к конфискованной оленине и ижевской одностволке, приготовленной Пивоваровым ко дню рождения сына, участковый с охотоведом добавили бы и денежный штраф. Но так обошлось указанным.

Нетрудное и необязательное уточнение – было это в Хани, или поселок назывался Моготом.

Зимой проснувшиеся медведи приходили в поселок. Они тоже разрывали помойки.

Ночью шатун гулял по Магистральной – темный рычащий сгусток, похожий на две тени невидимого предмета их отбросившего, передвигающийся по освещенному луной снежному насту. Проснувшиеся жители улицы, включив, а потом, выключив свет, смотрели в окна. Медведь разбил деревянное крыльцо у одного из домиков и перешел на Майскую – улица шла от барачков мехколонновцев к столовой. Тарас Шевченко, тоннельный проходчик с Олекминского участка, сунулся с ружьем в открытую форточку, выстрелил и промахнулся, и у него больше не было патронов с пулевыми зарядами.

Разыскивая пищу, животные не находили определяющей разницы между зарослью жимолости, тайменем, пойманным на гиллойском перекате, помойным коробом из обернутого рубероидом листовничного горбыля. Поселок построили в месте, где летом медведи поедали голубику и морошку, а теперь могли брать другой корм и без сравнимых с его качеством усилий. Последнее было особенно ценным зимой. А с наступлением лета ягоды они рвали в других местах.

Медведи ломали горбыль и обдирали рубероид, облизывали розоватый фирновый блок недоеденного в столовой борща и компота, инкрустированный остатками рисового гарнира, хлебными кусками, макаронами и половинками котлет. Позже на строящейся Байкало-Амурской магистрали появятся свинокомплексы и пищевые отходы будут свозить туда, но к тому времени медведи все равно перестанут заходить в поселки.

Весной щебневая отсыпка под домами строителей и звеньями режущей тайгу магистрали рассыпалась по оттаявшей мари и скользила по многолетней мерзлоте. Набитые стекловатой щиты жилых барачков потягивались углами и казались раскладушками предвыборной агитации на рабочем месте или игральными картами, повернутыми рубашками к хмурым взглядам путейцев и проходчиков.

Рельсы гнулись по сторонам от заданных параллелей и выдергивали черные костыли из пропитанной креозотом древесины.

Из мерзлотной толщи, неподверженной весеннему целлюлиту, разрыхлившему оттаявшую поверхность почвы, вместе с бульжником, идущим на отсыпку под полотно, выгребли человеческое тело – ноги трупа висели между оскалом катерпиллеровского ковша. Администрация и партком объяснили это чрезвычайное для поселка, в котором, за ненадобностью, отсутствовало свое кладбище, происшествие тем, что тело, должно быть, принадлежало сосланному декабристу, а то – народовольцу. Почти всех такое объяснение удовлетворило, несмотря на описанные экскаваторщиком Равилем Сабитовым татуировки на хорошо сохранившейся коже замечательной находки, по своим мотивам положительно относящихся ко второй четверти двадцатого века.

Летом в поселке видели старого охотника, эвенка. Появился со стороны Олимпийского – механической базы треста «Мостострой-10», проследовал по единственной сквозной улице до моста через ручей, сбегавший с сопки за последним баракком, и, пройдя им, не приближаясь ближе к расположенной впереди электростанции-тысячнику, свернул в тайгу.

Родители, приехавшие сюда по зову сердца строить железную дорогу, поселили своих детей в странное место и время. Место и время, в которых происходили столкновения и сшивания миров, в других обстоятельствах существовавших параллельно.

По окончании учебного года уволили учительницу зоологии Ирину Спартаковну Попову. Она, неверное, не пропала – хорошая учительница: уехала куда-то – в Артек, Якутск или родной Олекминск. А когда еще работала, то рассказывала на классных часах о том, как похороненных по православному обряду или просто засыпанных во рвах и потом эксгумированных шаманов находили в гробу не только перевернутыми со спины на живот, но и с ногами, вытянутыми в ту сторону, где при погребении лежала голова. И, будто из головы, из каждой пятки росла волосная косичка, и голова разговаривала с пятками.

Мальчики сидели возле дороги на квадратной завалинке столба электросети или деревянных пеналах теплотрассы и отмечали проезды автомобилей с амурскими, читинскими, редко якутскими номерами. «Магирусы» и «кразы» пронеслись груженые щебнем или песком, на «мазах» корейцы везли лес. В одинаковые блокнотики мальчики записывали государственные номера машин. Если номер составляли две или больше одинаковые цифры, то заметивший это первым спешно выкрикивал: пять-пять, мое счастье от меня не отбивать. Это была случайная рифма – после трех-трех или восьми-восьми следовало то же продолжение.

Пока их родители строили железную дорогу или налаживали временную бытовую инфраструктуру, мальчики так проводили свое время.

На эвенке была сшитая из кусков камуса шапка, перепоясанная оленья куртка с болтавшимися на ремне ножом, магическими узелками и побрякушками, штаны и камусовые кумаланы. Заплечная укладка тоже из оленьей шкуры, а в руке эвенк нес ружье. Один из видевших эвенка мальчиков, прочитавший к тому времени романы Лизелотты Вельскопф-Генрих, потом рассказывал, что старый охотник нес «винчестер» с поцарапанным прикладом. Или, в другой раз говорил он, это была винтовка Мосина.

Вернее всего, эвенк был вооружен карабином Симонова, обычным для промысловика-моота.

Мальчики безотрывно смотрели на охотника, никто не поймал на себе его взгляда, но они угодили в него, как в небо. Несколько минут жизнь таежного поселка продолжалась без детей, тогда собравшихся у дороги. Некому было объяснить происходившее. Обратив внимание на симптомы и согласия, отвлечь от минут, взятых у мальчиков займы, сказать о том, что они будут возвращены им, а, может, передарены кому-то, в час смерти для его продления. Перед лицом проследовавшей через поселок силы мальчики остались брошенными и беззащитными. Только неумение понять это сохранило невредимыми большинство из них.

МУЗЫКАНТ

1. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Музыкант родом был из Палласовки, города на Торгуне – пересохшей местами речке, соединявшей Казахскую границу и приток Волги Еруслан. Был он предстоятелем многих оркестров – там же, потом – в Якутии, Забайкалье, а потом в одном месте на Нижней Волге, где также был тенором в хоре, певшем в церкви Казанской богородицы, и обучал музыке определенных к тому детей, а избранным его инструментом был баян. Был Музыкант благовоспитанный и верный себе муж, сведущий, как в музыке – в законах речеустройства, и с умением убедить других в справедливости самой неверной посылки, но только если сам в ней не сомневался.

Музыкант являлся в разных отраслях сведущим и остроумным собеседником, верил в предназначенные ему успехи и свои амбиции не таил, а прикрывал их все же набросками иронии и прагматичности напоказ. Пребывая в окружении общества с грубым вкусом, а иное редко случалось, не разуверял себя в его посредственности, но думал о нем, как о временном. Проявлял он себя с мужчинами корректным, а с дамами галантным.

Был он дружен с другими музыкантами, а так как много путешествовал, то с разными в разное время: гитаристами – Нескоромным, Сосюрой, Ганушкевичем, Воробьем; барабанщиками – Кострюковым, Хрюней и Шустовым; басистами – Донским, Дадоновым, Кабаном и Пулиным. И был женат на всеми почитаемой Галине, за которой он, сперва ухаживал и, посылая кансоны, продолжительно домогался от нее для себя услады по любовному праву, а потом, оказавшейся при нем верной спутницей и его предприятия поддерживающей стороной – дамой отличной, веселой и собой восхищавшей ее видевших.

В поисках достойной для себя славы Музыкант, как сказано было, довольно перемещался, и одно путешествие было ради переселения в местность менее суровую по климату и, из доступных, ближайшую к культурным центрам. Само путешествие не могло смутить Музыканта, но с этим переездом совпали особые обстоятельства. Новое место было не очередной бамовский поселок, сам он не был, как раньше, молод и совмещаем с любыми переменами, а страна в это время еще и меняла систему своих организаций, что серьезнее, чем смена названия, каковая тоже предстояла.

И вот попробовав разных перемен применить к себе и, оставшись с прежним качеством успешности, которое теперь им самим и прочими воспринималось наравне с неудачей, Музыкант снова уехал за Байкал, где ранее обретал от судьбы и людей разное благоволение. О том, что стал он там держать пивной бар – известно. Правда и то, что как-то занятие это он бросил, и видели Музыканта наездами в разных поселках. Так со старым другом своим Нескоромным он случайно встретился в курортной зоне Кульдур, это где-то недалеко от Благовещенска. Остальное время он пропадал в тайге вместе с геологом Шамшиным.

Песен, сервент или другого рода сочинений этого времени никто от Музыканта не слышал, а из прежних сохранилось несколько, сложенных по соответствующим разо.

2.ВАРИАНТ С РАЗО

Музыкант был путешественник и владел многими инструментами. А родился он в заволжской, чуть не казахской степи, и круги его поездок нарастали с годами. Были, говорят, присланные им возлюбленной Галине кансоны из Эберсвальде, Праги, Якутска, Пхеньяна, Благовещенска – значит, в тех местах он побывал.

Музыкант был признанным великолепным исполнителем песен, сочиненных другими мастерами, свои же песни показывать не любил, хоть и желал при этом славы, как если бы все эти песни слышали и сочли превосходными. Оттого думали многие о нем, как о жонглере не более значительном, чем Кострюков или Дадонов. Правда все же в том, что круг музыкальных авторитетов у него был, но раз принятый, уже не переформировывался и рьяно им отстаивался.

Когда приезжие из Икабьи музыканты исполнили среди прочего и своего сочинения кансону о той же Икабье, а слушатели отдали им предпочтение, как сказал Музыкант, за сам факт, то Музыкант, не подавая виду, был расстроен. Его же сын сказал: «Что ж, они ведь сами сочинили эту кансону.» И Музыкант ему ответил: «Это ведь не доблесть». «А почему так?» – спросил сын. «Сынок – сказал Музыкант, – есть объединенные композиторы, и сочинены, разными из них, изумительные песни – чего же их не братья исполнить? А у этой только достоинством то, что припевом в ней название поселка, в ста тридцати километрах от нашего, расположенного, а я таких кансон мог бы двадцать в день измышлять, и все они вышли бы заметно художественней». И тогда же он спел, аккомпанируя на баяне, единственную сирвенту, после него известную –

Пристало ль, верь моим немым устам –
Они лишь размыкаются, но звук,
Под языком увязший в восемь ног паук –
Не верить мастером заполненным листам,

В которых сочетанье слов и нот
Гармонией наделены, как медом сот
И, дабы мир прилично был объят,
Не востребована в помощь Икабья?

3. РАЗО ПЕРВОЕ

Достоверно утверждалось, и как я уже рассказывал, Музыкант умел изрядно играть на разных инструментах, а особенно на баяне. И не знал он усталости в изучении новых возможностей для извлечения музыкальных звуков. Природное любопытство к тому его двигало. И самим Музыкантом было сказано, что по первому предложению, мог он в краткий срок овладеть любым инструментом, о котором еще не знал, но который для того ему представят. Это и было им подтверждено в выигранном состязании на хомузе. А нужно было с ним так справиться, чтобы переиграть знаменитого олонхосута Эдуарда Мальчакитова, мужа среди якутов выдающегося и музыканта превосходного. И все видели, как якут был переигран Музыкантом.

В поселке Заречном, находящемся под администрацией Уклана, населенного пункта с пристанью на Алдане, Музыкант, как говорилось уже про его деятельность в других местах, руководил оркестром. Здесь, в Клубе Геологов 67-й партии Мингео СССР, занятой в окрестностях разведкой урана и добычей аметиста частным образом, и состоялись сравниваемые выступления. А одну крупную аметистовую друзу начальник участка Шамшин вручил Музыканту, растроганный его умением и отмечая его победу.

И вот что вышло дальше. Музыкант, не считавший жест независимости угрозой куртуазии, но умеющий эффектно завершить представление, передал аметист лучшей и достойнейшей из известных дам, а ею была Галина. Припомнил он также этим подношением все, оказанные ею радости и участия ему, и осталась тем довольна означенная дама, сколько и все присутствовавшие.

Потом аметист оказался у сына для игр. И он поменялся им с Робиком Гайнутдиновым на кусок пирита, считавшегося между мальчиками золотом. И сын Музыканта тот пирит потерял, и, тем обосновав, отнял аметист у Робика, но и возвращенную друзу потерял. О том узнав, Музыкант был расстроен, но вскоре с потерей примирился и о рассказанном, есть в сирвенте:

На многих глаз, но все ж случайный, взгляд,
Моим талантам подтвержденья вышло мало.
Неверье – блеф тех, что благоволят
Тщетным потугам, кои вынуждало
Сомнение неискренних вельмож,
В двory которых я как будто вхож.
Как будто этого лишь мне недоставало.
Но честность вытерпит – ее хоть оголят.

Собой довольны от пустых натур.
Иначе возомненную усладу
Найдут хоть в том, что ихний трубадур
Приноровился к вновь постигнутому ладу.
Впервые виденный в свои глаза хомуз
Я принял к испытанью – влез под этот груз,
Как тот воображала, написавший на пари балладу,
Решив сыграть и выиграть сей тур.

Когда лопату расщепил олонхосут –
Ветер, поющий пеплом – Мальчакитов,
Я уже видел – мне не принесут
Мои потуги славы. У придворной свиты
Я мог купить себе благоволенье,
Пустое, но столь важное. И я продал им пенье
Хомуза своего в ристалище открытом,
Заведомый подлог бросаю им на суд.

Когда якут хомуз свой теребил
Ему ильгэ сочила грудь природы.
Алдана плеск, мощь лиственных стропил
И драгоценной жилой изливалась кода.
Но в бедных головах собравшейся толпы
Происходившее лишь ненадолго поднимало пыль –
Весенний дождь легко впитала материнская порода.
Мне сомневаться? Я его опередил.

Сражение заставит хоть на час
Заботиться о выигрыше с черствым вдохновеньем.
Коль грамотен ты – схватываешь в раз
Соперника прихваты и уменье.
И зал моих притворных модуляций
Дождался и дождался я оваций,
Когда хомуз мой своровал чужое пенье,
От чужой славы не осмелясь на отказ.

Я песню спел и эхо – мне ответ,
Как сын поющий на отцом взятый мотив.
Вслед за сирвентой, неотступной тенью,
Посылка в руки даст тебе узлы плетенья,
Которые ты бросишь, сети распустив.
Сплести решиться заново, немало лет
Над новой могилой погрузив?
И свяжешь – так как раньше было? Нет.

4. РАЗО ВТОРОЕ

Когда у Музыканта случился повод, он сложил сирвенту, в коей говорится, со слов «На многих глаз, но все ж случайный взгляд...», о соревновании на хомузе с якутом Мальчакитовым и о признании в этой игре за Музыкантом первенства. Объяснил он там и обстоятельства и способ, по каким он к тому первенству был приведен: считал он выступление якута весомее, но, по достоинству своему, проиграть не посмел. В этой сирвенте горевал Музыкант о глупости и слепоте судейских, а в посылке приветствовал потерю призового аметиста, подозревая в том высшую справедливость.

По приключении таких событий, не видя уместным и дальше пребывать в Якутских краях, Музыкант с семейством, скарбом и лайкой по кличке Ноктюрн выехал в бамовский поселок Могот. И о пути этом была им сложена странная, будто неумелая, песня на перевернутый популярный мотив «Дочку под сердцем носила», в коей купно с прочим еще говорилось:

По ледяному настилу
Звездами светила
Морозная ночь, как буквами по листу папируса.
Лайка отвязалась и, подвывая, ходила
В кузове бегущего по Гиллюю «магируса».

Могот, где теперь поселился Музыкант, был станцией на вспомогательной ветке, называемой Малым БАМом, пересекавшей линию будущей дороги – о строительстве которой едва успело перед тем объявить правительство – и соединявшей Транссиб на юге с Нерюнгринским угольным разрезом на севере. По своему статусу поселок был наделен всеми разительными отличиями станции на БАМе от обычного поселения – в особенностях снабжения, демографической ситуации, социальном укладе. Указанное надо иметь ввиду, отзываясь на повод для кансоны, сложенной Музыкантом после того, как в присутствии Кабана – юного бас-гитариста – назвал он несравненную Галину бабой.

А вышло из-за беседы, часть которой, с объяснением ситуации, в какой она происходила, тут уместна. Проводив вчера выступившего в Моготе еще одного достойного трубадура Дина Рида, Музыкант и друзья его, Кабан и барабанщик Кострюков, пировали в репетиционном помещении и, довольно выпив «гъмзы» и болгарского же бренди, вели себя шумно, на что вошедшая к ним Галина правомочно заметила: «Нет в твоём поведении, Музыкант, и половины твоего ума», а Музыкант ей ответил: «Мне, достохвальная мадонна, по настоящему положению не то что половины, но и вовсе его не нужно». «А отчего так?» – удивилась Галина. «Да оттого, – сказал Музыкант, – что, через нашу с эн Кабаном и эн Кострюковым пьянку, я как во сне. А во сне, и уж это и так известно, все само бывает, а рассудок излишен». И на это его возлюбленная резонно вменила: «Раз так, то лучше тебе идти домой, ведь все же не сон это, а происходящее явно, и своим поведением ты вполне можешь обесчеститься».

Как это услышано было Музыкантом, так повернулся он к Кабану и высказал такое: «Эн Кабан, объясняй, не объясняй ей, а не выйдет ничего, потому что баба есть баба». Юный Кабан был польщен и обрадован, что после непотребных своих препирательств, и так уже доставивших веселье, старший его

друг опустил еще и до подобного панибратства, тем его возвысив. А Галина была всем произошедшим раздосадована и помещение с пьяной братией покинула.

После они еще пировали, а утром Музыканта посетили обрывки воспоминаний о постыдном вчерашнем его поведении. И сложил Музыкант отчаянную кансону, с которой обратился к своей возлюбленной Галине. И эту кансону вы сейчас услышите.

Сон удивителен, но скуп,
Когда вмешавшись в ночи темноту,
Блеснет в сознание. Не настолько туп
Чтоб верить – если падаю – расту.
Но сон сплетает ободок
Моих видений – вспоминай досуг.
Но вспомнишь ли последний свой глоток?

Когда срываешь лепесток
Цветка, предвидишь, что пропал цветок.
И явь бесследно исчезает, только срок
Свой жди, и ляжет на глаза платок,
Подобный ветхому мосту
Через бегущий в сон вина поток.
Тот сон, как в тишине тимпана стук.

Вот утро – сгинул тяжкий сон –
Я встрепенулся и спешу восстановить закон.
Быть на коленях перед той, в которую влюблен –
О, пошлость, но ищущ спасения – балкон,
Как чаша – дама на весах
С ее обидой. Тысячу кансон
Бросаю на другую. И в нее бросаюсь сам.

Прохладный взгляд ее – роса.
Цветок багульника в текущих волосах –
Ручье, звенящем на пленяющие голоса –
Ее уста. Позволит ли волшебная краса
Мне согласиться с нею в том,
Что снятся мне вот эти чудеса,
Тогда как сон вчерашний был не сон?

И дальше, завершая кансону, в посылке, Музыкант пел так:

В раскаянье своем я, может, скуп,
Но в водах извинений то глоток,

Что означает, как и лепесток,
Оставшийся последним. В сердце стук

Рождает он и сладкий звон
В ушах – все это испытал я сам.

Шипит, как на печной трубе роса
Моя любовь к Вам, и она – не сон.

Такая была спета Музыкантом кансона в следующий день за тем, когда своими выходками и словами Музыкант низринул правила вежества, желая покрасоваться в манере простолюдина и, как простолюдин же, несведущий в законах куртуазного служения, действуя. Галина, из всех в то время живших в Моготе дам известнейшая своей разумностью, приняла от Музыканта кансону и, вместе, извинения и возрадовалась тому, что такой, как Музыкант, рыцарь не только состоит у нее на куртуазной службе, но и есть ее супруг.

5. РАЗО ТРЕТЬЕ

Не раз было сказано и отмечалось перед этим, что Музыкант, что не случай, менял места своего жительства и везде занимал достойное положение, и владел всеобщим вниманием. Так же было и на станции Хани, построенной на тройном пограничье, с административным отношением к Амурской области, территориальным к Якутии и партийным к Читинскому обкому, куда прибыл он с семьей на вертолете, а другого способа туда попасть летом не было. И о том был сложен Музыкантом куплет, теперь забытый. Название Хани переводили – долина смерти, как пустыня в Неваде и Калифорнии, что, может, и верно – в тесной долине одноименной реки поселок и находился, а «хана берды» по-якутски значит – конец всему.

Там нашлись для Музыканта новые оркестранты – барабанщик Шустов, гитарист Ганушкевич, трубач Вerezумский – жонглеры славные, признавшие Музыканта в трубадурском искусстве превосходство и выразившие ему надежду на дружбу, показав свое расположение, но Музыкант держался привычных дистанций. И доверял Музыкант больше Ганушкевичу, а следил за, порой зарывавшимся, Шустовым. И последний обратился к нему с вопросом о Тамаре Недурновой – местной аптекарше, но также изрядной исполнительнице песен. На это Музыкант заявил, что она дама приятная, во многих отношениях замечательная, хотя и уступает в том, по неизбежности, Галине, о которой пелось в прошлом разо.

И рассказал Шустов, что желал бы он поступить к Тамаре на куртуазную службу, и в том просит Музыканта либо помочь, либо не мешать. На это Музыкант так ответил: «Раз я теперь такое узнал, то всеми возможностями буду оказывать тебе помощь». И заключивши для такого дела союз, они пошли в орсовский продмаг, а потом в художку, где Шустов рисовал агитки и маски для детской елки. А оттуда, погода и выпив вермута, они направились в аптеку.

Там Тамара начала их выслушивать, но языки у пришедших заплетались и они приводили неточные мотивы, просили наперебой, чтоб исполнила Тамара желание Шустова, а как дело повернется, то и замуж за него согласилась идти. Тамара же заявила, что от господ, какими она их прежде знала, это было бы лестное предложение, принять которое она бы неприминула, но те, что теперь к ней пришли – другие господа, и говорить с ними ей нет охоты.

И дальше были подробные прения, так что Музыканту уже надоело, а Шустова разбирало, и он полез к Тамаре через прилавок. Тамара попробовала звонить в милицию, а Музыкант отобрал у нее телефон и попал трубкой в витрину с лекарствами. После этого разгрома Музыкант и Шустов поспешили восвояси, но это их уже не выручило.

В нарсуде обязали их возместить убыток от побитого стекла и склянок и переправили в Тындинский РОВД для отбытия срока полумесячного заключения, в которого время Музыкант и Шустов сложили тенсону. И в ней они говорят:

– Эн Шустов, вот предмет для встряски –
Обдумав все, как небом вопрошен,
Скажи, какие ты намеревался встретить ласки,
Придя в аптеку пьяный? Может, шел
Усладу получить в подсобке
Или вести ту даму под венец?
Чего б не ждал, но стал другой конец
Твоим надеждам. Вялый и короткий
Язык твой не набрел на пониманье,
Неровный слог не получил вниманья.

– Кто знает загодя, куда старанья
Употребить, того удел – иканье.
Улада, Музыкант, подобна лодке –
Я в этой лодке – даже не гребец.
Туда качнется – в тысячу сердец
Любовь не вместится. Но поместится в водке
Лишь в сторону качнешь другую. Без опаски
Раскачиваю лодку. И смешон
Бываю, но смешней – мною раскрашенные маски,
Мне ж иногда бывает хорошо.

– Ну что ж, мы посетили порт вполне завидный

Плевать, как плыть. Мне, Шустов, за тебя нестыдно.

– Эн Музыкант, пусть лодка только обогнет углы
Я за Томару поборюсь, ведь жил борясь Бюль-Бюль Оглы.

И предполагалось, и о том я уже говорил, пробыть Музыканту и Шустову под арестом пятнадцать суток, но вышло иначе. В те дни жители Хани праздновали укладку Серебряного Звена и прибытие Первого поезда, а к такому мероприятию полагался аккомпанемент. Так что, пользуясь неясностью с подчинением станции, решено было освободить нарушителей порядка досрочно и привезти их на укладку. Участковый Петр Иванович Будинов привез их как раз на первом поезде, будто почетных гостей, а их такими все и считали. Мадонны Галина и Тамара встретили их с улыбками. И, выскочив первыми из вагона, Музыкант и Шустов заняли свои места за инструментами, кои уже расставили на сомкнутых кузовах двух грузовиков, и блоком сыграли «Зея впадет в Амур», «Веселей ребята – выпало нам», «А ты улетаешь и вдаль самолет», «Рельсы упрямо», а также тенсону выше приведенную.

РЕШЕНИЕ

Проснулся рано – совпало с очередной остановкой поезда. Поезд всю дорогу то ехал, то останавливался – тем чаще останавливался, чем ближе подъезжал к Хани. Леха Комогорцев проснулся и ни с кем не разговаривал. На соседней полке, отвернувшись к переборке, спала Анжела. Когда она проснется, Леха не знал про что с ней говорить – такой, что вообще бы с ней не разговаривать. А кого-то еще, пока не пришел проводник, в купе не было. И он смотрел в окно. Он думал, что, может, вообще не надо было ехать. И думал, как это все так обернулось в его молодой жизни?

Состав еле двигался. Леха думал, хоть бы он совсем встал. Или выйти, не доезжая до своей станции, на какой-нибудь другой? Чего обязательно туда ехать? Чем оно – туда ехать – лучше какого-то другого места на трассе? А он сварщик – его же с руками в любую контору.

Полупустой состав то останавливался, то снова медленно ехал. Путешествие заканчивалось – многие попутчики, которые сначала давились на тындинском перроне, штурмовали вагоны поезда, а потом защищали занятые в вагонах места, уже доехали до своих станций и вышли. В пустых и полупустых вагонах было уютно, будто бы от впущенного снаружи в освободившееся пространство чистого и прохладного октябрьского воздуха. Что-то такое можно было об этом думать, хотя и было в вагоне натоплено, пахло углем – и, по настоящему, именно от этого уютно.

Проводник, наверное, рано поднялся или не ложился вовсе: собрал бутылки, подтер кровь и блевотину, расстелил ковровую дорожку. Леха задрал ноги, когда парень с веником дошел до его купе:

– Чаю принести?

– Давайте.

– Два? – Проводник покосился на бугор под одеялом, занимавший соседнюю полку.

Леха опустил ноги на пол.

– Несите два. – Женский голос ответил из-под одеяла.

Леха поднял глаза на проводника, тот кивнул и вышел.

Проехали Икабьекан – контора по лесозаготовке и четыре хибары – какая здесь работа? И других нормальных мест до Хани теперь не будет, и думать про то, чтоб выйти не доезжая, стало и формально без пользы. Тут уже, даже если, пешком – близко, так что уже скоро. Довезут. Потом-то можно и переехать куда-нибудь, только в этом и смысл был – потом уже и переезжать не нужно, а вот прямо сейчас не хотелось туда ехать.

Деревья отступили от дороги и открыли крутой склон, спускавшийся к реке. Дорога тоже шла вниз, поезд медленно спускался, и скоро оказался возле самой воды – черное течение было в нескольких метрах от окна и двигалось параллельно поезду. Состав остановился так, что скала, когда-то скатившаяся к реке и застрявшая на берегу утонув наполовину, оказалась прямо напротив Лехиною окна. Заполнявшая карман, образованный берегом и скалой, густая вода не знала течения, только слабое перемешивание на границе с водой остальной реки. И область, ограниченная противотечением, была видимо приподнята над речной поверхностью, как створом шлюза, а не суводью – плоть от плоти реки. Леха подумал, что врет оптика оконного дуплекса, и стал закрывать по очереди глаза и смотреть сквозь стекло под разными углами, но так и не смог решить, было ли это реальной физикой, или чем-то таким, что, вспомнив через годы, можно списать на аберрацию памяти. Невольно Леха оглянулся в поисках свидетеля, способного сопереживать явленному чуду. Его взгляд, пройдя по трещинкам пластиковых панелей стенок и залатанной обивке спальных полок, остановился на бугре под полосатым одеялом, когда поезд тронулся.

Анжела отбросила одеяло с лица и открыла глаза, зажмурилась и улыбнулась. Получилось, будто я давно на нее смотрю и даже разбудил своим взглядом – подумал Леха и сказал, чтоб одевалась – скоро приедем.

Теперь состав ехал совсем медленно. Так что несколько мальчишек, вышедшие из поселка навстречу, могли сопровождать его, не выбиваясь из сил. Бежали под насыпью справа. Состав притормаживал перед дренажными водопроводами, пропускавшими бесчисленные ручьи – несколько секунд стоял и полз дальше. Мальчишки не останавливались, а, перепрыгнув поток, переходили на шаг, продвигаясь к локомотиву – успевали выбрать пару десятков шагов форы.

Тогда мне было десять или одиннадцать лет. Теперь, если вспоминать те несколько фраз, в которых в виде сплетни эта история была изложена, я вижу в ней сходство с сюжетом одной новеллы Шервуда Андерсона. Там батрак Хал Уинтер признается другому батраку Рею Пирсону в том, что довел Нелл Хантер до беды, и спрашивает его, как теперь следует поступить. Новелла называется «Так и несказанная неправда». А раз такое название, легко предположить, что в центре повествования не случай, а идея, им проиллюстрированная. По-моему, так и есть. Дело там в том, что, как бы не придумал Рей ответить своему напарнику, жизнь Хала уже изменилась, а, вернее, ее предначертанное течение не в состоянии поменять, ни чужой совет, ни его собственная воля. Он обречен.

Окончательное решения Хала относительно Нэлл неочевидно, хотя и неизбежно – он возьмет ее в жены. Может ли быть иначе – я не знаю. Скорее всего, нет, если предположить, что в поле ситуации заодно действуют сразу два фактора влияния. Кроме универсального правила или идеи, к решению Хала подвигает и цепочка подвернувшихся недоразумений, впрочем, автором неприводимых. Первым в такой цепи могла быть вторая встреча.

Разумеется, вторая встреча была и в истории о том, как Леха Комогорцев женился на Анжеле – толстухе из Смолевичей, куда его перевели дослуживать срочную после лечения в медсанбате. Что-нибудь рассказать об этой встрече? Думаю, достаточно того, что она была. А смысл ее упоминания в том, что за второй была и третья, и пошло-поехало. Согласованная с общей идеей цепь недоразумений приводит к браку, но на этом не обрывается. Ну, еще бы – Леха ведь не индеец с «винчестером», чтобы раз решив о чем-то, уже более к тому не возвращаться. А если так, то осмысление и сердечное принятие такого решения может быть отодвинуто на более позднее время, чем собственно его осуществление.

Я уже засыпал, когда в мерной болтовне взрослых – моих родителей и их друзей, заночевавших в нашем доме – различил пару слов про недотепу Комогорцева, поверившего в то, что после двухмесячного знакомства он является отцом ребенка, уже четвертый месяц находящегося в утробе этой прыгливой толстухи. Леха пробовал упереться, но она сказала ему, что отец – тот, кто был последним, разве он этого не знал?

Не знал, так узнал теперь. Поверил или не поверил, но виду не подал. Вот это и захватило меня – иначе, почему я помню или, вернее, почему тогда среди прочего я обратил внимание на историю Лехи Комогорцева? Остальные разговоры были занимательны в том же духе – это легко представить.

А впрочем, еще до того, как подслушать эти полуночные беседы, я был свидетелем того, как Леха и его толстая жена приезжают в Хани на Первом поезде. То есть, у меня уже была к такому выборочному восприятию закуска или почва. Тогда собравшиеся взрослые спрашивали друг у друга, о чем он думал, и, не находя, а, может, и найдя какой-то удовлетворительный ответ, разливали в рюмки спиртное и обращались к другим насущным темам. А я уже не слушал их, или пропускал мимо ушей, а засыпая, совмещал услышанное с тем, что сам видел.

Леха Комогорцев возвращается после армейской службы и с ним его жена. Она толстая – не безбожно, а все же настолько, что Леха ее немного стесняется. Он не думал, что придется ехать Первым поездом – думал, придется добираться. Как-то доедут, думал, и по-тихому все устроится: вольются с женой в местный распорядок, никто и не заметит. А тут вон как привелось – укладка Серебряного звена, Первый поезд и торжественная встреча.

Раскрывается это дело вот как: Леха не торопился с выходом, но выходить-то пришлось. Нет, не стал он дожидаться последнего, а так где-то среди других выпрыгнул из вагона. Он о многом подумал, но про сам приезд не решил, за все время поездки не представилась ему эта ситуация на перроне. Как-то не вышло про это подумать непосредственно. Короче, выпрыгнул. Парни стоят на платформе – вот так номер: Леха – почетный пассажир. Не видели его два года, и вот он – нарисовался. Кто-то дергается к нему – обниматься и все такое, но останавливается на половине движения – торжественный момент, может, фанфары звенят. Что-то такое, да. И они стоят и смотрят. Но потом смотрят уже в проем вагонной двери. И они видят эту толстуху. И потом как-то понимают, что она с Лехой – оказывается, настоящий номер был впереди.

А Леха не оглядывается, и так знает – это Анжела вылезает из вагона. Он отступает на шаг, но не поворачивается к ней. Может, он собирался помочь ей сойти по ступенькам. Может, во всяком случае, он этого не сделал. Стоял и смотрел перед собой. В валторне грянувшего оркестра увидел отражение всей сцены – выглядел, как всамделишный почетный пассажир. Смотрел, будто этот номер был исполнен для него.

– Ну что, с тобой теперь не побухаешь, или как?

К чему относится этот вопрос? К его случайному статусу почетного пассажира Первого поезда или перемене в его семейном положении? Не имеет значения, что бы это ни было. Ответ не придуман заранее, а данный будто невпопад является верным.

– Здорово, ребята. Ну как, поможете мне? А то моя вещичек набрала, а таскать тяжести пока нельзя ей.

И так все встает на свои места. Потому что жизнь есть жизнь, и теперь жизнь стала вот такая.

Он сам решил, и все согласились.

Со стороны такой девиз удобно счесть проявленной успокоительной иллюзией, но это – или не главное, или – вовсе не так. Просто решение было обоснованно и принято уже после того, как осуществилось.

КОРЕЙСКИЙ СЛУЧАЙ

ЭТО ЧОН

Еще тем летом у Сани Новика появился знакомый кореец.

В то лето его родители не взяли отпуска – не поехали с Саней на море, не отвезли его к бабушке с дедом. Так они рассчитали – через год накопленных денег хватит на покупку автомобиля, и вместе с тем подойдет их на то очередь. Тогда можно будет взять отпуск за два года и на купленном «универсале» поехать в Туапсе. Так что Саня остался в поселке без друзей, у чьих родителей были другие расчеты, с которыми они тем летом на метерик двинули.

Тогда его отправили в пионерлагерь в Лапри, вместе с одноклассником по фамилии Ланяк, к которому Саня за прошедший год совместной учебы никаких чувств не испытывал. Такой незаметный парень какой-то. Все же, в первый обед, он спросил Юру, приедут ли к нему родители? – Нет, отец в рейсах все время, а мать с сестрами дома сидит. Ланяк ходил в не глаженных школьных брюках и, как будто всегда, чумазый. Наверное, и сестры его в этом роде и весь дом такой же, – подумал Саня.

Саня сбегал из лагеря на третье утро – накануне вечером не дали посмотреть телетрансляцию с открытия Олимпиады. Потом воспитательница говорила его родителям, что просто телевизоры в отряды не успели завезти. – Да, а в воспитательской палате был телевизор, – всхлипывая, возразил Саня. Непонятно – или он придумал так отговориться, или в этом и была причина побега.

Ланяк увязался за Саней, хотя в одиночку Саня бы, может, и не решился бежать. Хотели до рассвета, но проспали, а услышав в коридоре шаги воспитательницы, махнули в окно. Через забор перелезли, и вышли на дорогу. Если машина ехала со стороны Лапри, то дети спрыгивали в канаву с обочины и пережидали, объедая с лезших в лицо веток жимолость.

Сначала их покусали комары, а потом пошел дождь. У Ланяка одежды на такой случай не было, и Саня выдал ему свой пиджачок, а сам одел куртку. – Дойдем за пять часов, – сказал Саня, разделив на предполагаемую скорость движения, расстояние в двадцать четыре километра. Ланяк только кивнул.

Километров семь они сделали, когда встречный автобус, проехав мимо, притормозил. Родители Сани ехали к нему в этом автобусе и увидели сына на дороге. Потом рассмотрели, оказалось, что это не их сын, а другой мальчик в знакомом клетчатом пиджачке, а сыном был шедший с ним рядом. Жалко было Юру, который ревел и через всхлипы засовывал в рот засахаренную морошку и пирожки – чужие родители, конечно, увезти его домой не могли. А Саню из лагеря забрали, и ему, после зимних трансляций из Лейк-Плесида, удалось продолжить знакомство с большим спортом, теперь летними его видами.

Этого нового знакомого корейца звали Чоном. Когда Саня от делать нечего ушел гулять за полотно, Чон на «мазе» подвез его до третьего моста. Корейцы часто останавливались и предлагали подвезти куда надо, но обычно дети с ними не садились – сами не сильно корейцев поугивались, а родители не разрешали. Раз корейцы ели собак, то могли и детей съесть – так можно было оправдать родительские волнения.

В тот раз Саня гулял один, значит, никто бы не рассказал родителям, если б он с корейцем поехал.

А чего еще было делать? Полазал вокруг «тысячника», попрыгал с перекладины опоры ЛЭП на сфагновый мох – он вроде батута. Нужно только стараться не попасть на разбросанный под опорой

монтажный мусор. Монтеры не очень-то сэкономили, а не потребовавшееся побросали. Может, потом хотели забрать. Саня утащил алюминиевую гирлянду, думая, что она оловянная – хотел потом выплавить из нее солдатиков. Подходя к дороге, увидел «маз» и гирлянду бросил. Из остановившейся машины выглянул кореец и сказал, что может подвезти.

Саня сказал, что нет – не надо. Кореец улыбался, соображал, что парень запуган насчет пиздоглазых. Чон пошарил за спинкой кресла и вытащил оттуда сверток с сушеным минтаем. Саня подумал, что заманивает хитрый кореец. И, оттого, что раскусил его, перестал бояться.

Ехали по каменистой дороге – такая укатанная грунтовка, песок с булыжниками – как срез любительской колбасы. Саня отщипывал от рыбешки пресные волокна, от которых накидывало йодом и гнилью, Чон показывал ему фотографию семейства, и что-то втолковывал про стиральную и швейную машинку или просто улыбался. Он сказал, что выменивает всякую технику на бархат – синий, красный, черный, – говорит. – А как бархат по-корейски? – Бироду. Саня веселился, – Ладно, а рыба как? – Пульгоги. Чону была нужна бытовая техника, Саня и так знал, что принято у них было привезти это дело после окончания контракта в Советском Союзе. Чон будто досадовал, на то, что Саня отвлекается, но продолжал улыбаться.

– Почему ты не живешь в Корее? – Саня спросил, разглядывая фотографию, где были Чон, его жена в светлом платье приталенном под грудью и две девочки, по нашим меркам – дошкольницы. Сзади – водопад, а рядом с младшей девочкой на пестрой тумбе стоял баян. Чон опять улыбался, и Саня сообразил, кого ему напоминает кореец – дядю Тома из хижины. – Надо помогать, – говорил Чон, и Саня смеялся – чушь собачья, про что он лопочет – я ему помогать, или он Советскому Союзу, или уж жене своей – швейной машинкой?

Потом катался с Чоном почти каждый день. Однажды выменял у него, на отвинченный для такого случая в промтоварном электроутюг, черные шипованные кеды, которые до того видел лишь на капитане футбольно-хоккейной команды СМП-576 Виталике Боневуре. Боневуру-то повезло – непонятно, где он отрыл сорок третий среди корейских маломеров, а Сане кеды Чона были лишь немного велики.

То есть, знакомство выходило к общей пользе. А они уже и так подружились.

Потом то лето стало кончаться и все назад приехали.

На следующий день идти в школу, а накануне Саня Новик, братья Шевченки и Андрей Осипов пошли за грибами или ягодами – на что нарвутся. Проехали сколько-то на медленном товарняке – сколько он был попутным – и спрыгнули. Идут по дороге. За вторым мостом встречались подосиновики с тарелку – можно было хоть туда завернуть, но сзади показался корейский лесовоз. Саня заметил, как Осипов нагнулся за булыжником – это, чтобы метнуть в корейца. Шевченки тоже заметили движение и сразу заныли, что не надо, а то их заберут, а отец потом семь шкур спустит и так далее. Саня сказал, – Подожди. – Чего ты колотишься? Тоже обоссался? Кореец между тем поравнялся с мальчиками, и вглядывавшийся в лицо водителя за стеклом Саня, отпустил осиповскую руку. Тот метнул булыжник в уже удаляющийся лиственничный воз.

Это было неинтересно – кореец, может, и не заметил ничего. – Какого ты мне бросить нормально не дал?

Завернуть за мост еще не успели. А вынырнул другой «маз», Осипов быстро схватил камень и метнул его, попал прямо в решетку радиатора. Машина сбросила скорость, братья и Осипов за ними кинулись с обочины в кусты. А Саня остался стоять. Помахал рукой, машина остановилась.

Дети видели, как кореец открывает дверь, Саня с ним сначала просто разговаривает, а потом уже и улыбается чего-то, но только когда он вскарабкался в кабину, Осипов вышел из укрытия.

– Он может довести нас до шестого моста, там геологи стояли, а на днях снялись – можно полазать, что-то найдем за ними. – Да он завезет нас. – Нет, смотри. – Саня повернулся к Чону, взял у него несколько жевательных пластинок, одну передал Осипову, который быстро развернул ее и зажевал. – Заманивает! Шевченки твои зассат. – Ну а я поеду. – Он что, тебя знает? – спросил Осипов. Саня хлопнул дверью и, высунувшись в окошко, спокойно ответил: – Это Чон.

КОЛЯН И БАРАБАНЩИЦА

Непонятно, без специальных наведений справок, как с ними все устраивалось. Кто-то, может, занимался выделением места, подсчетами арендной платы за площади, отведенные под поселение, обеспечением занятости. В основном, корейцы работали на лесозаготовках – пилили-валили, выволакивали на трелевщиках к опушке, грузили в синие «мазы» и куда-то везли. Остальные, либо руководили – ездили на редких в побамовской местности черных «волгах», либо служили в подобии РМО – за пределами корейского поселка их, кажется, не встречали.

Кто-то – тот, кого здесь уже так называли – наверное, регулярно навещал корейцев в их гнезде. По своим делам, что-нибудь проинспектировать. А все остальные тоже могли побывать там раз в году, в один и тот же день, в который родился Ким Ир Сен. Этих корейских поселений было несколько, точно – больше чем два. Три из них имеются в виду, если дальше рассказывать. Но вот так приходится о них говорить – гнездо, или как-то – поселок, а как каждое из них собственно называлось, из русских, никто не знал. Никому не было интересно. Как, если бы по-особому, называть каждую МТФ или пасеку.

Все остальные ежегодно туда путешествовали. Развлечение, и был познавательный интерес. Наш поселок тогда совсем пустым оставался.

Подъезжали автобусы, чертovsky кучи «пазиков». А мы уже ждали, или, не спеша, подходили к площадке перед клубом – корейцы делали, сколько нужно, рейсов, и даже ради одного опоздавшего или не поместившегося, могли сгонять целый автобус. Чтобы мы попали на их, а уже, в другой раз, и наш, праздник – вышли у развернутого шапито, в давке протиснулись в фойе, где разложена чертова, еще одна, куча бесплатных и безупречно изданных книжек про идеи Чучхе, историю и реалии родины юбиляра, его же речей, журналов с пхеньянской модой, детишками с баянами и водно-спортивным комплексом в Кымгансане.

Набрав охапки книжек (а что с ними потом делать?), мы проходили в зрительный зал. А там, то цирк, то концерт – наверное, это дорого привезти артистов в каждое гнездо – может пара звезд из метрополии, а остальные местная самодеятельность из РМО. Но тут и уважение к нам проявлялось, и определенная их попытка воспитать наше к ним уважение, наладить международную дружбу. Артисты в шелках, тапочках и с цветами – то есть, корейцы оказывались не только улыбающимися мужичками в одинаковой одежде – таких серых кителях и фуражках. Мы на это смотрели и, может, себя видели – сами тут на стройке БАМа одеты в дрянь всякую. И женщины наши – бережем тряпье для будущей жизни на материке. Про своих женщин мы знаем – не потеряются, потом сумеют нарядиться, как домой приедем. А про корейцев теперь тоже узнали – так же, как мы, побросают эту тайгу и у себя дома переоденутся. Так что не доверять и презирать их больше не за что становилось.

Наверное, можно найти, за что презирать корейцев, но не в такой апрельский день открытых дверей.

Так кто-то решал, где ставить корейцам свою базу, а они потом возили нас туда на автобусах. За железную дорогу, потом по булыжной гати через марь с пушицей и соснами, которые вот-вот упадут, или упали уже, и – на всхолмье, а там их поселок. А на столбах, при въезде, «Добро пожаловать» – прямо кино про городок, на который нападут индейцы, киностудия «Дефа». Потом назад, каждого до дома.

Может, и у нас были случаи в этом роде, но как-то незаметно. И такое ведь не на показ делается. А про случай в Тынде говорили. Рассказывают, будто парень, из шоферов, которые надрессировались на осыпающихся дорожных петлях так, что потом в кавказских отпусках возле Хосты любого грузина, как стоячего делали, влюбился в танцовщицу с барабаном. Приехал с друзьями на такой день рожденья, засек эту кореянку и влюбился. Как и бывает с пьяных глаз, бесповоротно и мог бы сна лишиться. Но он решил, и друзья согласились, что такая артистка, наверное, из корейской столицы и завтра ее увезут в Читу, чтоб оттуда самолетом отправить.

Успокоились все на этом – что за безумие влюбляться в мечту и лучше просто нести в себе ее образ по жизни. Будто посмотрел кино и вернулся в общежитие. И организациям хлопот меньше.

Только здесь не конец. Тем же летом тот парень, да его Колянком звали, возил к тындинским корейцам одного начальника для инспекции. Начальник пошел в их правление – домину под розовой и салатной штукатуркой, а Колян остался в кабине. Сидит и по сторонам дыбает. Понятно – впервые в неурочный день у корейцев оказался. Там, впрочем, все тоже самое – выметенная площадь с трибуной на праздничный случай, флаги и портрет. И столовая напротив поселковой конторы. А на пустыре, где весной разворачивали шапито – помойка. Такой бак на телеге. Это корейцы придумали ставить у поселков с централизованным питанием свинокомплексы – помойку из столовой туда свозили.

Одно отличие – по площади никто просто так не ходит, как в наших поселках. Видимо, если уж надо ее пересечь, то приходится бегом, как в расположении наших войсковых частей. Вот, чтоб бес толку не бегать, в армии все в обход ходят, если не торопятся – а куда торопиться, если срок определен. Так и корейцы, наверное – никого на площади Колян не засек. Но площадь и пустырь за ней надо различать. Колян сначала это для себя объяснил, увидев, как к помойке прошла девушка с ведром. Выплеснула из него и повернулась идти назад в столовую. На ней был халатик аккуратный из голубой синтетики и под косынкой и челкой глаза косые. А так, может, выглядели все женщины из местного РМО. Но и тогда Колян ее сумел разглядеть, а сердце подсказало – понятно, это была та барабанщица.

Вот с того дня Колян и сна лишился. Никуда, то есть, она не уехала и возможности разумного отказа от себя ему не предоставила.

Так об этом рассказывают и тут понятно, для чего корейцев селили отдельно, там – где кто-то решал. Ни «Дорпрофсожу», ни «Бамстройпути» такие преамбулы ни к чему. И у корейцев, ясно, тоже своя дисциплина имелаась. А неправдоподобным кажется только то, что произошло это в притындинском гнезде. Второй раз понятно – начальника возил – куда начальнику надо, туда и везешь. А в первый раз чего ему, то есть Коляну, там было делать? Как он там, оказался? Работал-то он в Беркаките, а рядом с Беркакитом жили свои корейцы.

КОРЕЙЦЫ ВЗБУНТОВАЛИСЬ

Вертолетную площадку за озером скрывал полупрозрачный перелесок из слабых сосен, едва укрепленных в приозерной мари. А уже за ней был стройдвор и пилорама. Утром что-то затарахтело как раз с той стороны. Не вертолет, потому что он улетел в четверг, а о следующем вертолете Пасхину сообщили бы – утром сообщали о вечерней посадке и, наоборот, если посадка будет утренней. С тех пор, как Пасхина назначили парторгом СМП-576, прошло два месяца, и о подобных вмешательствах в жизнь населенного пункта, где это предприятие было селообразующим, его ставили в известность.

На Пасхине была синяя ветровка с гэдээровским гербом и светло-коричневые брюки. Пиджачной пары, для соответствия должности, он еще не купил, но и так смотрелся вполне прилично – худой и длинный, как Дин Рид. А крупный нос, все же, был прямым и не входил в противоречие с видимым ковбойским образом Пасхина.

Проходили последние якутские деньки – почти дословно, это цитата из школьного сочинения Валеры Конорева, которое учительница Галина Павловна как-то показала Пасхину – она была его женой. И через него так все в поселке стали говорить о бабьем лете, а Валера имел ввиду индейское. Утро было свежим, но температура еще поднимется. Наверное, это будет последняя жаркая суббота, перед тем, как начнут осыпаться лиственницы или ранний снег ломает их не успевшие ссыпать хвою ветки.

Пасхин огибал озеро. Озеро оставалось слева от улицы, а на другой стороне еще не открылись магазины и столовая. Еще там была стройка – остов дома, где скоро расположатся почта, сберкасса, поселковый совет и партком. Пока же под его контору отводился вагончик – стоял на отшибе, где закруглялось озеро, перед тем, берегом коснувшееся дороги. Едва спрыгнув с дороги на бульжную отсыпку обочины (далее к вагончику вела тропа) Пасхин услышал тарактение за озером – раз это не вертолет, значит, кто-то включил пилораму. Непонятно, кому это понадобилось в субботу, но предварительный доклад ему о такой необходимости не в чьи обязанности вменен не был.

Пилорама тарактела минуты три. Пасхин стоял на крыльце, теребил ключи на брелоке, привезенном из турпоездки, и рассеяно вглядывался в сосновое редколесье. Позвонят, если что надо. Когда машину вырубил, Пасхин кивнул головой, толкнул дверь и вошел в свой кабинет.

Зазвонил телефон уже через секунды после того, как Пасхин уселся за свой рабочий стол. Парторг еще выбросил вперед руки и потянулся за ними, пока грудью не уперся в полированную крышку, потом уронил голову на плечо. И так будет с каждым передовым бригадиром – этой мысли он не дал времени, поднял трубку.

– Алло.

Это был не первый служебный звонок в его жизни, но когда-нибудь, рассказывая о той субботе, Пасхин, может, и посчитает его первым. Ему, все равно, хотелось отнестись к звонку, как к каким-то игрушкам. – Алло, – ему так ответили. – Нет, это я говорю – алло, а вы что скажете?

Его собеседник сопел несколько секунд, а потом заорал, – Пасхин, твою мать, ты там пьяный, что ли совсем? – Нет, я не пьяный, а Вы как себя чувствуете, – понятно уже стало, райком работает без выходных. – Разболтался совсем. Это Предатько говорит, ты пьяный или нет? Слушай меня внимательно, там у вас... – Да я слушаю, Николай Пальч, слушаю. Я слушаю, а Вы мне аллокаете всю дорогу. А у меня выходной по всем календарям. Предатько опять посопел. – Ну, разболтался совсем, я тебе на бюро сделаю выходные. Слушай по делу. – Я слушаю, – Пасхин расстегнул молнию на ветровке. – Блядь, – Предатько понял, что бессмысленно сейчас воспитывать парторга и перешел к фактическому изложению:

– В Беркакит вчера ехал «магирус». Откуда ехал? От нас, откуда. Ехал а потом, , поломался. А в «магирусе» трое мужиков, как ты – остолопы. Да, , типа тебя, раздолбаи. Затормозили там корейца и заставили чинить им машину. Куда-то он держал путь на своей «исузу», и они его затормозили. Тот пока ремонтировал, умелец, , они ему всю «исузу» перерыли. Ну, двое стоят – ключи и вымбовки держат, как на подхвате, так, что кореец и головы не поднимал, а третий по кабине в «исузу» шарит. А у корейца, как нарочно, непонятно с каких щей, полная кабина самбека. У них там свадьба готовилась, совсем разболтались, тут стройку века хуячим, а у них, , люди женятся. Какого самбека? Я не знаю, , какого, может, с корнем или со змейкой. Беркакитские, только, перепились там и корейца изувечили. А машину

он, правда, успел им отладить, я ж сказал – умелец, , и они поехали. Но не сразу – «исузу» сначала в откос спихнули вместе с пиздоглазым. И чего? , ни чего. Петлю от Гилюя знаешь? Они объезжают ущелье, ни разу не свалились, , непонятно как. Глядят на противоположную сторону, три минуты назад проехали где, а там «пазик» и три грузовика. И чего? Ты не понял, да? А они, , пьяные, а сообразили – весь кагал этот корейский за ними валит. Догнали их? , Пасхин, не знаю я. Эту историю геодезисты наблюдали, у них знаешь, как вездеходы летают? Если б не летали вездеходы, дал бы кореец дуба – они его привезли на лечение. Так вот он рассказал, сколько его понять смогли. А больше ничего не ясно.

Пока для разговора по телефону Пасхин барана включал, он все же прикидывал, что описанные приключения от Гилюя куда-то перемещались – вернее всего, их узел теперь где-то рядом с поселком. – А мне это зачем, чего вы Петру Иванычу не звоните? – Да его нет ни хера, парторг, участковый – нормально устроились, у вас же там суббота – выходной. – Да, на охоте он, я думаю – они с Витьком Пивоваровым на глухаря, что-то такое, собирались. Ладно, я, Николай Палыч, не знаю... Может там Вас поднакрыло под конец пятилетки за три года или подоссали Вы четко перед теквондистами на «пазике», за одно с алкашами беркакитскими... – предположения Пасхин высказывал в коротко гудящую трубку, но прервался – не интересно было распрямиться без собеседника.

– Так, – Пасхин встал из-за стола и бросил трубку на аппарат, – Провода корейцы порезали. Помедлив, снова взял трубку и поднес ее к уху, гудки были короткими. – Не, ну а что – порезали по правде.

Ну, в общем, по правде так и было.

Утро либо начинается с рассветом, либо наступает в три. Выходные всегда короче рабочих дней еще и потому, что проснуться получается позже. Сказать, что день едва начался, а такое уже запаривается – хорошая, но не подходящая для субботы успокоительная сентенция. Если бы вдруг завтра наступило прямо сейчас, было бы лучше, – подумал Пасхин. Он вышел из вагончика и запер дверь – брелок с немецко-комсомольской символикой приятно охладил вспотевшую от телефонной трубки ладонь.

Петровы шли по улице, катили коляску перед собой. Пасхин откатал свою года два назад и еще помнил, с каким детским увлечением вез пружинящую, переваливающуюся на неровностях коляску по каменистой, но гладко укатанной грузовиками дороге. Как играть в машинки в песочнице. Городскому папаше с асфальтовыми тротуарами такого не испытать.

Высохшие на солнце верхушки бульжников, вмятых в грунт, перепоясанных влажной лентой, предваряющей их заглубленную часть, искрились кварцевым крапом и глазками слюды. Пасхин махнул рукой, отвечая на приветствие Володьки Петрова. – Как дела по вашей линии? – Нормально, корейцы взбунтовались. Дальше не поговоришь – в мужском общежитии кто-то выволок в форточку динамик с «Би Джитз».

Опять верно было сказано, – подумал Пасхин. Порезали провода, взбунтовались – наверное, я выясню так все, одно за другим. Непонятно, зачем пускали пилораму.

Будто никакого телефонного разговора не было, как не входил в вагончик. Услышал скрежет циркулярки и думаешь – надо разобраться. Ключ оборачивается на цепочке, вывернутым зонтиком вращения, вершиной вбуравливается в слипшуюся щель между большим и указательным пальцами. Будто не разговаривал с Предатько. Все разговоры не запомнишь, а это был не первый.

Оторвав взгляд от ключа, поднял голову и проследил за воображаемой линией – по ней протарахтел стригун. Сначала услышал, а потом сопроводил взглядом тархтящего, с едва уловимыми выделением шипящих, жука. Черно-серый стригун приземлился на крыльцо под ноги парторгу. Упал не как обычно – не вышла мягкая посадка, прилетевший жук ползет и, с каждым шагом запитывает перепончатые лопасти – щелчок в доску и аккуратно спрятанные под надкрыльнички крылья.

Стригун свалился с крыльца и пополз к пустым бутылкам от «гъмзы» и «радгоста», кто-то тут вчера припивал. – Совсем разболтались, – вырвалось у Пасхина, и, – я совсем парторгом сделался. Это он уже только про себя подумал.

Непонятно, то они серые, то черные. Пасхин, вдруг как-то раздосадовался оттого, что жук не вполне черный, а главное оттого, что Предатько успел дозвониться раньше, чем прервалась связь. То есть, от заторможенной внимательности к насекомому и от требующей внимания тревожной новости. – Интерпретируем потихоньку, – ответил Пасхин на воображаемый вопрос Предатько: – Бядь, чем ты там занимаешься? Плюнув и уже не увидев, что не промахнулся по жуку, Пасхин спрыгнул с крыльца и пошел в сторону пилорамы.

Тогда Петровы успели пройти несколько сот шагов в противоположную сторону. Дождался, чтоб они свалили, когда теребил цепочку, подумал про свои последние действия Пасхин. – А то бы еще пошли расспросы. Зачем-то брякнул им про корейцев.

Делая последние шаги по перелеску с убывающей к опушке частотой деревьев, теперь позволявшей видеть строения пилорамы и штабеля бруса, досок и подготовленных к распиловке

стволов, а там, где они не загоразивали пространство, и вертолетную площадку с будкой и цистернами ГСМ, Пасхин отметил, что ослабляет внимание, как перестает всматриваться – тем больше, чем меньше становится препятствий для зрения. Тогда он посмотрел пристальней и, одновременно, остановился. Кто-то там что-то копошился, несколько человеческих фигур перемещались по стройдвору. Конечно, там кто-то чем-то занят, зря, что ли, запустили мотор?

Пасхин прошел еще немного, и то ли разглядел, то ли так сообразил, что перед ним дети. Не потому, что закончился полупрозрачный сосняк или он приблизился на несколько шагов к разглядываемым. А просто понятно – один мальчик карабкался на сложенные доски, а еще двое других катили четвертого на вагонетке. Ускорялись, приближаясь к раскрытой акульей пасти распилочного станка. На журнальной фотографии из зоологического музея в такой пасти помещалось пять или шесть человек – Пасхин сделал произвольный прыжок и пробежал немного. Потом остановился – перед ножовочным блоком должна была быть еще одна вагонетка – наглухо застопоренная. В столкновении с ней тоже можно убится, но это не ужасная смерть наткнувшегося на пилу или хищные челюсти. Чем спастись от маловероятной гибели, лучше поймать детишек и отругать и тем, может быть, предотвратить будущие опасности. Нельзя было подкрадываться, пригнувшись – если заметят раньше, чем он выпрямится, будет глупо выглядеть. – Макаренко, – сказал про себя Пасхин, расправил плечи и спокойно пересек пустырь.

Дети его заметили. Трое занимавшихся с вагонеткой смылись, а тот, который был на штабеле и теперь слез, не стал убежать, а стоял и смотрел на приближающегося взрослого.

УКЛАДКА (bis)

Осенью оставил за окнами вагонов вымазанную сентябрьской слякотью, с серыми и сырыми от дождей кирпичными стенками депо и вокзальных складов, европейскую часть страны. Разбросанные обломками вавилонского строительства, пересыпанные чадом горных выработок, металлургических комбинатов и нефтехимических производств, с невесомой, стертой с крыльев бабочек, пылью заводов железобетонных изделий – города Урала и Западно-Сибирского юга. Оставил к югу Байкал, нырнул в бесконечный, опьяняющий бесконечностью и отрезвляющий прерывистостью бесконечности Северо-Муйский тоннель и вынырнул из него. Метнулся над ворочающимися в берегах Витимом. Поезд оказался в неожиданном, нелепом, как политико-административная карта, Забайкалье.

Воды озер и рек, мерцающие между конструкций мостовых ферм, небо, зазубренное по нижнему краю верхушками лиственниц, скальные обнажения и дуги водопадов, стенки отодвинутой от железной дороги тайги – все раскрашено в не разлагаемые по оттенкам чистые цвета.

Красный подлесок. Ольха, осина, лиственница – одинаковое золото их тел. Выше, после углов золотой линии, одинаковое, во всей своей видимой части, небо. Сумасшедшие беги речек, одинаковостью цвета волны, хоть в тихом месте, хоть на перекате, превращенные в их иллюзию. Речки не могут бежать так быстро – закончится вода. Из питающих речки родников сочатся коллоидные сгустки. Желе озер – желтое с черными анклавами глубоких мест, и на их дне улеглись налимы. Озера и речки с названиями на языках аборигенных народов, новыми названиями – выдумками и ассоциациями первопроходцев, безымянные озера и речки. Водопады, как белые костяные луки бурятов. Мох и лишайники на скалах и отделившихся когда-то, ухнувших неудержанным весом на прибрежную гальку глыбах – зеленых, будто распиленные малахиты. Серые малахитовые валуны рассыпанные рядом. Синие, зеленые медные примазки, отмытые дождиком.

Несмешанные цвета. Местность, после исследования которой топологи смогли бы по-новому взглянуть на проблему четырех красок, а, при определенной удачливости, и зафиксировать выход в пространство с большим, чем три, количеством измерений.

Зимой страна (здесь – физико-географическое понятие) покрывалась снегом, а ее карта подвергалась глобальной, но непоследовательной генерализации – только неподписанные пятна станций, черная линия железной дороги поперек выцветших рек. Облетевшая светлохвойная тайга обозначалась неумелой штриховкой. Ветер сдувал снег с черных гольцов Кодара, сбрасывал его в долины и ущелья, мешал изображению местного рельефа точно совпасть с контурной картой школьника.

Казалось, что зима перестала быть «временем, когда навещаешь соседей», как в древности могли бы называть ее эвенки или якуты, пользуясь своими, тогда еще бесписьменными, языками. Ветку малого БАМа продолжили тянуть к Якутску, железом спроецировав алдано-вилуйский крест на Лене. Но это только нити скромной вышивки на белой ткани земли – как и раньше, замерзшие реки помогали сокращать расстояния и легко отвечали на вопрос басенного осла о том, как строить мост – вдоль или поперек? Зимники на сибирских реках – мосты, наведенные в обоих направлениях одновременно.

Весной багульник расцветал по подошвам сопок, и красные стволы лиственниц растворялись в его заре. Менялись станции – поезд ехал от одной к другой или, остановившись однажды на любой из них, был свидетелем того, как меняется она.

Станция – сваленные по бокам магистрали ворохи негодного хлама, перерабатывать который не взялись даже китайцы. Как в растрепанных платьях персонажи кинематографических стилизаций средневековья или посткосмической первобытности – с давно нештукатуренным бетоном вокзалов и памятных стел, свидетельствующих о происхождении и былых победах строителей прилегающих участков железной дороги. С пустырями в местах снятых построек мобильных подразделений «Бамстройпути». С несколькими кварталами панельных трехэтажек, заселенными однажды сошедшими с остановившегося поезда семьями, уверенными, что у значительной группы людей найдутся причины для поездок и перевозки грузов по построенной ими железной дороге, что гарантирует им работу, оплачиваемую с соответствующими климатическим коэффициентам надбавками.

Летом горела тайга, ревуший костер взлетал по стволам деревьев и перегибался через узкие ручьи. Тогда триединство огня, воды и медных труб получало буквальное воплощение.

ПОДНИМАЮТСЯ ПО РЕКЕ

Это была широкая река, составленная быстро бегущими, закрученными в жгуты потоками. Они придавали омывавшим склоны берегов, блестящим погнутыми солнечными лучами, лентам ее воды строгость и единственность. Если на какой-то весельной лодке плыть по ее середине против течения – отправляться едва замеченным утром, меняясь у весел, выгребать весь день, а потемневшим вечером приставать к берегу, уже не различая его камни, а утыкаясь носом в его твердый мрак, для ночлега – то, может через несколько дневных сплавов, наткнувшись на забытый в один из предыдущих вечеров предмет (нож или кучку навоза), поймешь, что нисколько не продвинулся в своем путешествии. Так здесь сопротивляется сильная вода, и с лодки не видно – изменяется ли пейзаж далекого берега.

В моторной лодке, наматывающей на облупленный винт нитки реки – такие тонкие, что уже сотни их кипящих молоком километров, клубящихся в темной воде, разбрасываемой в стороны килем, все же его не заклинили – сидели двое мужчин и мальчик и девочка – подростки. Мужчины были – один отец мальчика, другой – девочки. Мальчика и девочку звали Иосиф Васильев и Виктория Барамыгина.

Были последние дни сентября. Неделю – с перерывами, за которые таял – сыпал снег, и теперь холодный, но ясный и солнечный день казался чудом. Холодная посветлевшая река, казалось, настойчивей обыкновенного отталкивает тугими пружинами, сжатыми ее глубиной, и всегда приподнятый, нос «казанки». Будто для того, чтобы скользящая жесь не мешала ее протянутым рукам ждать, когда льда синие оковы сомкнутся на них. Облупленный винт рвал тугие перевитые ремни, а жесь хлопала по гладкой могиле оленей.

Когда диких оленей было столько, что их желтые пахнущие мускусом стада, жирными каплями стесняли текущую реку, то здесь они сходили в ее воду. Несколько раз за короткое лето – давая подрасти исландскому моху и ягелю то справа от тяжелого червяка, то слева. И сколько-то оленей всегда пропадали у червяка во рту.

– Это из их шкур река нарекает ремни, чтобы плести свои струи. – Так закончил рассказывать Барамыгин, но не сегодня, а раньше на несколько лет, когда в школу-интернат впервые отвозил дочь.

Пока дети складывали в сумки одежду, Васильев и Барамыгин посетили больницу. Они отнесли туда бруснику и конфеты, купленные перед этим для девочек – некоторым из них сделали аборт, других готовили к операции.

Детей оленеводов привезли в первых числах сентября – на лодках или на вертолете, облетевшем стойбища удаленные от реки и ее притоков и такие стойбища, где не вспомнили про начало учебного года. Скоро воспитательницы заметили, как то с одной, то с другой девочкой делается плохо. После того, как другие предположения относительно изменений в их самочувствии не подтвердились, заведующая интернатом направила к гинекологу всех семиклассниц. Большинство из них были беременными уже четыре месяца.

Многие из работников интерната могли лишиться места из-за всего этого, и в районном отделе образования тоже беспокоились. Но вышло иначе.

Девочки отпирались, и точно – часть из них забеременели, не потеряв девственности, другие же не были девственными больше, чем четыре месяца время. И никто не мог представить, как могла пройти незамеченной столь массовая половая сессия.

К заведующей в кабинет пришел Иосиф Васильев и сказал, что знает, как стали беременными его одноклассницы.

– Мы тогда еще в бане мылись. А Тяхов-то говорит – смотрите-на, как я делаю. И подставляет под струю из душа.

– Васильев, ты, совсем, что ли не можешь нормально говорить? – Заведующая и так знала, что хотя бы без тени ругательства между слов воспитанники обходиться не могут. Раньше она преподавала литературу и не раз выслушивала, как читают школьники выученные стихотворения, в которых едва ли не каждая удобная проклиза заменялась нецензурной основой-вехой. Но она должна была сделать замечание.

– Ты чего такой-то, Ося? Ну, рассказывай, что хотел.

– А то – Тяхов-то подставляет и пыхтит-на, и видно, что ему нравится. И все так стали потом делать.

– О чем ты такое говоришь?

– Ой-о, Гита Владимировна. Я все понятно говорю-на – от того, что подставляли, все девки теперь беременные.

– Но ведь у них свое отделение за стенкой.

– Вода от нас по полу и желобкам в трубку под стенкой протекает, и к девкам. У них потом по полу течет. Через всю их баню, пока дойдет до слива. А те там моются, ничего не знают-на и намываются. И так-то к ним попало.

Это был рассказ-условие, при котором случившееся правдоподобно и логично объяснялось. Заведующая только не понимала, почему Иосиф Васильев вдруг решил доверять ей. Она спросила:

– Как же ты мне все рассказал, они ведь тебя изувечат, когда узнают.

– Я тут никого не боюсь, если полезут – получать будут. А рассказал-на для того, чтобы ясно стало, что я-то не подставлял-на.

– Почему же ты этого не делал? – Осеклась, но уже спросила заведующая.

– Я-то кого так делать буду? Я просто мылся. И из-за того, что Барамыгину люблю и не хочу, чтобы она подумала, что я ей с остальными изменил.

Это не было выражением удовлетворения – пока заведующая молчала, прочную кожу на широком лице Иосифа натягивала гордость. Она вернулась к своему скрытому способу существования после следующих слов:

– А Барамыгина-то не беременная. – Наконец проговорила заведующая. – Она что ли в душ тогда не ходила?

– Ходила-на. Только не забеременела. Пол там может неровный или еще как-то вода от нас до нее, может, не дотекала.

Отплыли только во второй половине дня, к себе не успевали и пристали для ночлега в Чапо-Олого. Утром было пасмурно и холодней вчерашнего, так что детям, дрожащим в болониевых куртках, дали полосатые одеяла. По заводи от бревенчатой набережной опалубки растянулась ледяная корка – темная над водой, с белыми воздушными пятнами, поползшими очертаниями, когда Виктория и Иосиф и их отцы усаживались в лодку. «Казанка», в несколько прыжков, разрывая тонкую ветошь, обернувшую реку с тихого бока, вывалилась на ее середину и снова засочила за собой молоко.

Отец Иосифа правил лодкой, а отец Виктории перебирал лески, взятые в Чапо-Олого у своих. Дети сидели на лавке посередине лодки и, прижавшись друг к другу, досыпали ранние часы. Иосифа забрали на время, которого хватит для того, чтобы очистить память выданных товарищей – к новогодним праздникам его вернут в интернат. Виктория пробудет в стойбище несколько дней – потом ее отвезут к шаманке, которая выбрала ее себе в ученицы.